

Анна и Сергей Литвиновы
Черно-белый танец
Серия «Сага о любви и смерти», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138252*

Аннотация

Настя не помнила, как дошла до банкетного зала. Сегодня у нее свадьба, но этот день стал самым трагическим в жизни. Только что она узнала, что ее возлюбленного, единственного мужчину всей ее жизни, отца ее будущего ребенка, приговорили к десяти годам заключения... А свадьба была лишь частью сделки, которую она заключила с собственной матерью: она, Настя, выходит замуж за бывшего своего кавалера Эжена, а мать нанимает самого лучшего в Москве адвоката для Арсения. Судили его за преступление дикое и жестокое, преступление, которого он не совершал. Убиты в собственной квартире Настины дед и бабушка, украдены деньги и украшения, и все улики указывают на ее Арсения. И Настя, чтобы спасти Арсения, согласилась выйти за нелюбимого. Да, ей придется стать чужой женой, но это ненадолго. Она сделает все, чтобы найти настоящего убийцу, чтобы спасти своего возлюбленного...

Содержание

Пролог	4
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анна Литвинова, Сергей Литвинов

Черно-белый танец

Пролог

1982 год

Одним все, а другим ничего.
Вечный закон. Непреложный, незыблемый.
Он, как все, жил по закону.
Но так и не принял его. Не смирился.

*Стылым февралем восемьдесят второго года он по привычке поймал «Свободу».
«Вражий голос» сквозь вой глушилок с несоветским придыханием сообщал: в Московском метро произошла трагедия. Обвалился эскалатор на станции «Авиамоторная». Чуть ли не сотни жертв, московские врачи и милиция в панике.*

А родное телевидение в это время рассказывало о трудовой вахте по исполнению решений Двадцать шестого съезда КПСС. И о строительстве газопровода Уренгой – Помары – Ужгород. И об открытии новой художественной школы в Ашхабаде. В общем, счастливая, успешная, благополучная страна.

Он понимал: вражий голоса врут. Наверняка в метро никаких «сотен погибших» и никакой паники в рядах милиции. Трагическое, но не самое страшное происшествие. Так объявите же! Расскажите, вышлите съемочную группу, успокойте народ! Нет. Всеобщее умолчание.

*О, как же он ненавидел эту мерзкую страну!
Он презирал ее двуличие, ее мрак.*

Он ненавидел кильки в томате, вареную колбасу в серых пятнах, тощих, плохо ошпанных кур. Его тошнило от баек про «развитой социализм». Какой развитой социализм?! Он видел это «развитие». Оно совсем рядом, за дверью распределителя на Грановского и сотовой секции ГУМа. Там прячется россыпь роскошной финской салями, баночки свежей красной и черной икры, нежнейшая вырезка... К закрытым магазинам подъезжают черные «Волги», шоферы распахивают дверцы перед спецконтингентом.

*Контингент вальяжно направлялся к дверям...
Почему? За что? Чем они – жирные, лоснящиеся, самодовольные – заслужили все это?
Да, он привык к тому, что его страна живет по лживым, двуличным законам.
Но, черт возьми, смиряться с этим он не собирался.
Он им еще устроит!*

Прошло двадцать лет

Наши дни

Настя с Николенькой бросили машину на Таганке. Решили нырнуть в метро. Так выйдет куда быстрее, чем стоять в пробках.

В вагоне, уже изрядно набитом, Настя взяла Николеньку под руку. Провокационно прижалась к нему. Она чувствовала изумленные взгляды, устремленные на них, и ловила кайф от этих взглядов. Народ явно не понимал, что это за парочка, в каких отношениях они

состоят: юный, красивый, модно одетый атлет и женщина, очевидно старше его, но тоже молодая, яркая и весьма привлекательная. Он, если присмотреться и отвлечься от атлетической фигуры, совсем еще мальчик. Ей на вид не больше тридцати (хотя на самом деле – ах, страшно подумать, – тридцать семь!).

Он – на голову выше; аккуратно, ласково поддерживает свою спутницу, оберегает от вагонной тряски и толкотни попутчиков. Порой что-то шепчет ей на ухо.

А Настя – она балдеет от его внимания. И еще оттого, что полвагона недоумевает: кем они приходятся друг другу? Младший брат и старшая сестра? А может, любовники? Или даже супруги? Сейчас в Москве всякое бывает. И богачки, бизнес-леди, запросто покупают себе в любовники мужиков на десять и даже на пятнадцать-двадцать лет младше себя!..

Однако вряд ли кто из наблюдателей мог задуматься или предположить, что Настя и Николенька – это мать и сын.

«Как хорошо все-таки рожать рано! – радуется Настя, отслеживая краем глаза недоуменные взгляды, нет-нет да обращавшиеся на них из толпы. – У меня уже взрослый сын. Спутник. Опора. А я еще молодая и стройная и такая красивая, что пара-тройка мужиков в вагоне с превеликой радостью поменялась бы с Николенькой местами!»

На следующей станции, «Китай-городе», они вышли. Ускользнули из поля зрения уставших вечерних путников, словно яркий, ослепительный блик – символ красивой жизни.

Подобные счастливые парочки встречаются в Москве, но их не слишком часто увидишь своими глазами. Обычно они скрыты от публики в салонах собственных автомобилей, их можно встретить в театрах и модных магазинах, но порой, изредка, они всплывают и в метро, особенно на центральных станциях, и приковывают к себе всеобщее внимание...

Настя с Николенькой направились сквозь суетливую толпу к выходу на Старую площадь. Их по-прежнему провожали мимолетно-недоуменными взглядами...

Они миновали жестяного Ногина, прошли мимо пяти-шести лотков с книгами, газетами и театральными билетами и ступили на эскалатор.

– Мама, – вдруг пробасил Николенька, – а расскажи, как все было раньше?

– Раньше – это когда?

– Ну, когда ты была молодая.

– А что, я сейчас уже старая? – кокетливо улыбнулась она.

– Да нет же! – смутился Николенька и забавно покраснел. – Ты и сейчас молодая. Но я имею в виду: когда ты была совсем молодой. Как я сейчас. Когда тебе семнадцать лет было.

– А что ты хочешь узнать?

– Ну, все, – тряхнул головой сын. – Как все было?

Они сошли с эскалатора и миновали качающиеся двери метро.

– Все... – улыбнулась она и взяла сына за руку. – Тогда все было по-другому.

– Я сам знаю, что по-другому, – досадливо сказал он. – А как по-другому?

– Ну, для начала: ничего этого не было.

Она кивнула на длинный ряд ларьков вдоль бесконечной стены подземного перехода.

Ларьков, где продавалось все на свете: свежее испеченные пирожки, семнадцать сортов пива, книги, сласти, жвачки, парфюмерия, оправы, компьютерные диски, видеокассеты, сигареты, мужское и дамское белье...

– А что вместо этого было?

– А ничего не было, – улыбнулась Настя. – Пустая кафельная стена. Иногда бабка цветы продавала. Но редко. И ветер здесь гулял.

Вдруг нахлынуло воспоминание: они идут по трубе перехода вместе с Арсением. Она держит его под руку – как сейчас Николеньку. Голые стены, завывает ветер, а она такая молодая! Такая молодая, что аж дух захватывает и кажется, что впереди вся жизнь и ее ждет огромное, нестерпимое счастье!

И так это все быстро минуло, так быстро пролетели все эти двадцать лет!..

Они с Николенькой поднялись вверх, на Старую площадь.

«Моя Москва... – подумала Настя. – Как ты переменялась... Насколько стала ярче, уютнее... Насколько больше красивых людей и красивых машин... Насколько светлее на улицах... Но – одновременно! – какой смог!.. Железное стадо стоит в двенадцать рядов. Ждет светофора, библикает, чадит своими движками... И какое людское расслоение... Тогда все были равны как на подбор... А теперь... Пассажир глазастого «мерса» с номерами АА снисходительно смотрит на водителя «шестисотого» «мерина», потому что у того модель – уже устаревшая, из прошлых, девяностых годов, из прошлого века, тысячелетия... А мужик, что в «мерине», брюзгливо топырит губу на «Пассат». Пассажиры «Пассата» заносчиво смотрят на «Волгу»... Ну а шофер «волжанки» (по советской еще привычке) глядит свысока на пешеходов – на нас с Николенькой, например, – хотя, видит бог, у него нет ровно никаких оснований свысока смотреть на нас... И встречные прохожие тоже: идут и оценивают друг друга... Мне, например, с Николенькой завидуют. Потому что я красивая и хорошо одетая, а он молодой... Круговорот тщеславия. Ярмарка дерьма... А вот нищий сидит: один он ни с кем себя не сравнивает и никого вокруг не оценивает... Ему уже все равно...

А Николенька – он среди всего этого вырос. И как ему объяснить, что бывает по-другому? Он же ровным счетом ничего не поймет!»

И снова нахлынули воспоминания: такой же позднеосенний вечер, двадцать лет назад. И то же время суток. И даже, кажется, та же грязца под ногами. (Вот с грязцой в Москве ровным счетом ничего не изменилось!..)

...И они в этом же самом месте покинули метро и шли по Новой площади в сторону «Детского мира». И он точно так же держал ее тогда под руку... Только он тогда был не Николенька, а Арсений. И станция метро называлась по-другому – «Площадь Ногина». И никаких вывесок не было, фонарей и реклам. И прохожих на улице тоже не было. Ни одного. Лишь маячили неприметные люди в драповых пальто, жались к стеночкам официальных зданий по левую руку... И здесь, на месте, где сейчас газует железное стадо, – не было ни единой машины. Лишь пустая площадь, а за ней – темная громада Политехнического...

Только проносились порой по Новой площади черные «Волги» – все они тогда почему-то следовали в сторону, противоположную нынешнему движению – к площади Дзержинского... И горели окна в здании КГБ, много окон... И крутило поземкой... И на душе отчего-то было зябко, страшно, прекрасно и волнующе. И Арсений тогда был рядом... Чуть не впервые они в тот вечер куда-то пошли вместе, вдвоем: но не на занятия, не к репетиторам, а просто так... А вот где они были? На вечеринке?... На концерте «Машины времени»? Да нет, концерт «Машины» вместе с Сенькой был позже, не могло быть никакого концерта в такой день... Или они просто гуляли, что ли?

Как говорил Сеня, проветривали мозги?

Он тогда еще рассказывал анекдоты. Политические. Близость здания КГБ этому словно способствовала. Какую-то особую остроту придавала. Анекдоты про Андропова, кажется, уже появившиеся? «Знаешь, – спрашивал он, – что теперь Кремль переименовуют?» – «Ну?» — «Его назовут Андрополь!» – шептал он ей на ухо, и она фыркала...

Или анекдотов про Андропова тогда все-таки еще не было, они потом, немного позже, появились?

А в тот вечер возле авиакасс, у Черкасского переулка, они с Арсением наткнулись на пост. Тротуар был перегорожен железными барьерчиками. Возле загоронок мерзли два милиционера в валенках с галошами и офицерик внутренних войск в щегольских сапожках.

– Куда следуете, молодые люди? – помнится, весело, совсем не в соответствии с моментом, спросил один из румяных милиционеров.

– Домой идем, – так же весело, в тон, ответил Сенька.

– Куда домой?

– На Бронную.

– Ну идите, – махнул рукой милиционерик. Даже паспортов с пропиской не попросил предъявить.

Они миновали барьер и прошли еще метров двести – до подземного перехода у «Детского мира». Движение по проспекту Маркса было напрочь перекрыто. Проезжую часть заметало снежком. Железные барьерчики перегораживали тротуар и тянулись во всю ширину проспекта. В самой середине служивые, впрочем, оставили дыру – там как раз при- тормозила черная «Волга» с номером МОС. Гаишник, не проверяя документов, махнул ей палочкой: «Проезжай», – и «волжанка» понеслась вниз, к Большому театру. По белому снегу за ней тянулся черный след.

Внизу, за «Метрополем», у Большого театра, тоже виднелись выставленные во всю ширину проспекта барьеры. Там «Волгу» все-таки остановили, у водителя стали проверять документы.

Вполнакала светили желтые фонари – и ни души вокруг, ни единого прохожего. Лишь сияет почти всеми окнами ярко-желтый куб КГБ, да милиционеры и штатские прохаживаются вдоль барьерчиков...

– Засуетились, слуги народные, – пробормотал Арсений.

– Сенька, прекрати! – осадила его Настя.

– Ничего! Почуют теперь, почем фунт лиха! – проговорил Сеня еще тише.

...У «Детского мира» их через барьерчик не пропустили, хотя Настя, честь по чести, предъявила милиционеру паспорт с пропиской на Большой Бронной.

– Вы, ребята, здесь все равно не пройдете, – сказал чин в тулупе. – Обойдите по Кузнецкому, а потом по Петровке и по бульварам. Там не перекрыто. А лучше бы в метро сели, быстрее будет...

– Ладно, – ангельским голосом молвил Сеня. – Мы так и сделаем.

А потом вдруг двинулся быстрыми шагами вдоль барьерчика, вышел на проезжую часть. Дошел до середины. Милиционеры и один штатский с ленивым любопытством наблюдали за ним, но не останавливали.

Арсений остановился у дыры для проезда машин. Внимательно посмотрел вниз, в перспективу пустынного проспекта. Поднес к глазу руку, словно бы в видеоискатель кинокамеры поглядел. Не спеша развернулся, не отрывая руки от лица. Посмотрел вверх, на железный памятник железному Феликсу и бессонное здание КГБ. Затем вернулся на тротуар, к Насте.

– Гражданин, не надо нарушать, – вяло сказал милиционер.

– Пошли! – Настя схватила Сеню под руку и повлекла к подземному переходу. – Ты чего? Хочешь, чтоб нас загребли?! Провинциал несчастный! Первый день в Москве, что ли?!

– Эх, Настыка! – вздохнул тогда, помнится, Сеня (давая, впрочем, ей увлечь себя). – Да понимаешь ли ты, что сейчас происходит? Запомни, запомни этот день! Ты хоть врубаешься? Ведь сейчас – сегодня, завтра – заканчивается одна эпоха. Одна эра. И начинается совсем другая.

– Ох, какой же ты... – вздохнула тогда Настя.

– Какой?

– Фантазер. Философ. Умник, – произнесла она вслух. А про себя, помнится, подумала: «Какая там эпоха!.. Да разве это важно!.. Чушь какая: «Эпоха!..» Вот эти снежинки в темном воздухе – вот что важно. И твои, Сенька, длинные ресницы. И то, что ты держишь меня за руку, а ладонь у тебя крепкая и сильная...»

Они тогда перешли по абсолютно пустому подземному переходу к «Детскому миру».

Настя снова взяла его под руку. Круглые часы – «бочонок» – на столбе у перехода показывали двадцать минут десятого.

Тянулся, подходил к концу воскресный день – четырнадцатое ноября тысяча девятьсот восемьдесят второго года.

На завтра были назначены похороны Брежнева...

– ...Мама! – возмущенно дернул ее за локоть – нет, не Арсений! – а Николенька.

Она очнулась от своих воспоминаний.

– Мама! Ну куда ты опять улетила! – гневно выговорил ей сын. – Я же тебя просил рассказывать. Вслух! А ты вспоминаешь. Про себя! Это разные вещи, чтоб ты знала!

Господи, улыбнулась она. Откуда у него такая снисходительность по отношению к матери! И этот важный тон... Выговаривает мне. «Это разные вещи, чтоб ты знала...»

– Но, Николенька, – она попыталась, слабо улыбаясь, защититься, – я же не могу рассказать тебе, если сначала сама об этом не вспомню!

– Вот и вспоминай – вслух, – упрямо проговорил сын.

– Да слишком много всего происходило в моей жизни, – попыталась она отбиться от подростка. – Надо же мне как-то эти воспоминания рассортировать. Упорядочить.

– Не надо ничего порядочить! – почти выкрикнул он. – Ты что, сама себе цензором будешь, что ли? Передо мной станешь базар фильтровать?

– Хорошо-хорошо, – поспешила она успокоить Николеньку. – Я все тебе расскажу. Все подряд. И без всякой самоцензуры.

Но при этом подумала: «Фигушки я тебе расскажу все. Никогда ты, сынуля, я надеюсь, не узнаешь всего. Слишком многое со мной за эти годы случилось. Слишком многое я узнала: и любовь, и настоящую страсть, и разлуку, и измену, и жизнь без любви... И кровавое убийство, и несправедный приговор, и предательство самых близких... И бедность я узнала, и богатство, и самые черные чувства испытала, и самые светлые... Слишком тяжело мне обо всем об этом будет рассказывать. И *все* обо мне никогда и никто не узнает... Даже ты не узнаешь, мой сын».

– Ну, давай, давай же, мама! Рассказывай! – задергал за рукав ее шубки Николенька.

Часть I Белый танец

Глава 1 НАСТЯ

1982 год, июнь

У Насти Капитоновой было все.

Кроме счастья.

Однажды она попыталась определить – одним словом! – чего же ей не хватает в жизни. Денег, шмоток, деликатесов? Все есть в избытке. Внимания? Тоже достаточно. И одноклассники к ней кадрятся, даже красавчик Мишка из десятого «А». А родичи со своим вниманием просто прохода не дают.

Может, развлечений ей мало? Да нет, пожалуйста, на любой вкус. Дед по первому свистку достает билеты на любые спектакли и концерты, приглашения на модные премьеры и закрытые просмотры в Дом кино и ЦДЛ... И карманных денег хватает...

Но почему же она никогда не чувствует себя счастливой?

И Настя наконец подобрала слово: ей неуютно. Неуютно там, где она проводит две трети жизни. Неуютно дома, в семье.

Квартира у них такая, что полкласса (да не простого, элитного!) завидует. Пятикомнатные апартаменты на Большой Бронной, окна в тихий двор. Мебель – не какое-нибудь ДСП и советская рогожка, а благородное дерево и натуральная кожа. Ковры, хрусталь, картины по стенам. В общем, дорогая, красивая декорация. Театр. Но... Но на домашней театральной сцене вечно происходит что-нибудь неприятное...

Сегодня за вечерним чаем Насте снова указали на ее место. А место ее в семействе – последнее. Как говорит один придурок из класса, «у параша». И все из-за этой Болгарии...

Болгария намечалась в июле. Турпоездку, разумеется, пробил дед.

– В соцстрану нас отправить для него не проблема, – гордо сказала Настина бабушка. А мама вздохнула: «Курица не птица, Болгария не заграница. Я бы лучше в Югославию поехала, там обувь шикарная. И мужчины красивые».

Мама всегда чем-то недовольна, Настя уже привыкла. А по ней – Болгария так Болгария, тоже неплохо.

Собирались ехать втроем: Настя, мама и бабушка. Дед путешествовать с ними отказался: он никогда не изменял любимому Сочи.

Настя тщательно готовилась к поездке: нужно выглядеть в этой Болгарии не хуже других, все-таки почти что Европа! Еще в мае она выпросила у деда новые джинсы.

Самолично отстояла в ЦУМе трехчасовую очередь за югославским купальником.

Выменяла у подружки красивейшие пляжные шлепки с разноцветными перепонками и бисерными завязками. Купила у спекулей яркие резиночки для волос... А вот книжки про Болгарию, как советовала мама, читать не стала – чего зря голову забивать, приедет и сама все увидит. И без того по программе постоянно читать приходится.

Мама с бабушкой тоже готовились к поездке. И тоже демонстрировали деду, Егору Ильичу, новые наряды. А сегодня за ужином мама похвасталась:

– Я три «Зенита» купила! По одному на каждого!

– Молодец, – немедленно откликнулась бабушка.

Настя ничего не поняла. Какие «Зениты»? Зачем?

А дед аж голос от возмущения потерял. Просипел:

– Да вы что, бабоньки? Обалдели? Вы что, спекулянтки?!

Мама отмахнулась:

– Какая спекуляция? Так, небольшой товарообмен.

– Позориться я вам запрещаю, – ледяным тоном заявил дед. – И страну позорить!.. Вы, извините, за границу не от липецкой швейной фабрики едете!

– Да кто там будет позориться! – отмахнулась мама. – Горничные сами подходят и предлагают: один «Зенит» – пятьдесят левов.

А бабушка мягко добавила:

– Там дубленки очень красивые. И мне нужна, и Ирише... А в твоей сотой секции дубленок в прошлый раз не было.

Дедовы глаза заметали молнии.

– Тряпичницы, – пригвоздил он. – Да у вас от шмоток шкафы уже ломаются! И все мало!

Бабушка вспыхнула. Мама молча опустила глаза.

Назревала ссора. А когда родные кричали друг на друга, Насте казалось, что у нее останавливается сердце: так и кололо, так и ныло... И она кинулась на выручку – привыкла уже работать буфером. Чем бы их отвлечь? Настя спросила:

– А на каком она море, эта Болгария? На Адриатическом? На Красном?

За столом дружно замолчали, переглянулись... Первым очнулся дед. Молнии из его глаз исчезли.

– На Белом море, Настя, на Белом. А на берегу – тюлени, пингвины...

Настя растерянно заморгала: кажется, она снова ляпнула что-то не то.

– Настенька! Карта мира у деда в кабинете висит. Сходила бы хоть посмотрела, куда ехать собираешься, – жалостливо вздохнула бабушка.

Упрек прозвучал неизбежно. Настя в ответ улыбнулась:

– Мне ж географию в университет не сдавать...

А вот мама уколола ее по-настоящему больно:

– Пэтэушница! Думай, прежде чем рот разевать!

Сердце прыгнуло, трепыхнулось. Глаза зашипало. Не хватало только при них при всех разреветься! Настя быстро встала и выбежала из-за стола. Закрывая за собой дверь, услышала, как дед выговорил матери:

– Ну зачем ты так, Ирина?!

...Настя обожала маму. Всегда считала, что мамуля у нее – лучшая в мире. Самая красивая, самая умная, самая молодая. Но боже, как же она ее боялась! И ничего не могла с этим поделать.

Настя хорошо помнила давнюю, со времен раннего детства, историю.

Детский садик у нее, разумеется, был продвинутый, с улицы не попасть: вкусные пудинги, огромная игровая и даже бассейн-лягушатник... Воспитательница в их группе тоже оказалась непростой – взрослые говорили, что не только с высшим образованием, а настоящий психолог с дипломом кандидата наук. Маленькая Настя однажды подслушала, как мама хвасталась подруге: «Ни разу не видела, чтобы в моем саду дети *просто играли*. С ними постоянно занимаются – по особой развивающей системе». Настя тогда не поняла, что это за система такая, но *рисовать* по заданию воспитательницы *свои мысли* и *лепить* из пластилина *свой* внутренний мир ей нравилось. А однажды той взбрело в голову: стала требовать от малышей, чтобы они рассказали, чего они боятся. Ну, группа много чего боялась – и давай рассказывать.

Толстый Петька сказал, что боится собаку овчарку, Настина подруга Милка призналась, что ей страшно спать в темноте. Остальные жаловались, что опасаются всяких там

ведьм и Бабок Ежек. А Настя сказала так: «Бабы Яги нет. И собак я не боюсь, и темноты тоже не боюсь. И вообще не боюсь ничего. Даже войны».

Но воспитательница не успокоилась. Долго приставала с дополнительными вопросами и наконец выудила: войны Настя действительно не боится, а вот родную маму... ну, не то чтобы очень боится... так, слегка.

Вся группа вытаращилась на нее как на чумную. Подруга Милка (она обожала Настину маму и даже тщетно пыталась копировать ее царственную походку) прошептала: «Ну ты дурында!...» А воспитательша, психологиня чертова, в тот же вечер заложила Настю маме.

Настя хорошо запомнила этот вечер.

Дедова «Волга», ушки-на-макушке шофер и маман в распахнутой шубке: слушает смущенный лепет воспитательницы и хмурится.

– Ты, наверное, так пошутила, да? – спросила мама по дороге домой.

Настя ссутулилась на заднем сиденье и промычала:

– Да-а...

– Тоже мне, Чарли Чаплин! – хохотнул шофер.

Шофер, дядя Илья Валентинов, работал у Капитоновых уже не один год и считал себя почти что членом семьи. Обычно Капитоновы не возражали. Но в тот раз Ирина Егоровна пресекла излишнюю фамильярность. Она грубо оборвала водителя:

– За дорогой следи! – И продолжала допытываться: – Или это не шутка?

Мама обернулась со своего переднего сиденья. В глазах ее сверкало искреннее недоумение. И досада: из-за того, что не может влезть в голову дочери и прочесть ее мысли...

Настя молчала. Шофер притворялся, что наблюдает за движением.

– Значит, правда боишься, – подытожила мама. И удивленно спросила: – Но почему? Я тебя что, ставлю в угол? Запираю в чулане? Лишаю конфет? Или, – ее голос набирал обороты, – может быть, бью?

Отвечать было нечего. Мамуля действительно никогда ее и пальцем не тронула. И, разумеется, никаких темных чуланов или гороха в углу в семье не практиковалось. А с конфетами Настя даже перебарщивала – бывало, аллергия разыгрывалась.

Но все равно: маму она боялась. Боялась ее взгляда, сверкания двух синих льдинок. Ее округлых, гневно расправленных плеч. Ее голоса, хлещущего порой похуже любого ремня.

Настя рано поняла, что вносит в мамину жизнь сплошной хаос. Доставляет ей неудобства. Мама так молода, ее жизнь только набирает обороты, у нее карьера, и визиты, и приемы, и театры, и бассейн, и косметолог – а тут под ногами путается постоянный нарушитель покоя, малый ребенок. И с этим ребенком одни неприятности. То куклу, привезенную из-за границы, ломает, то дорогое платье рвет, то разбивает антикварную сахарницу... А рисунки на обоях, а потерянные ключи, а неудачные кулинарные эксперименты, когда приходилось выбрасывать дорогие инвалютные сковородки? И еще болезни, с капризами и плачем...

Нет, мама никогда не кричала и тем более не била дочь. Но от ее презрительного: «Безрукая!» – Насте хотелось раствориться, исчезнуть, превратиться в невидимую пылинку.

Настя очень, очень мечтала, чтобы у нее тоже все выходило легко, как у мамы.

Чтобы непринужденно говорить по-английски. Чтобы одежда носилась так же, как мамина, – когда на костюме ни складочки. Настя мечтала научиться всему, что так блестяще умела мама: делать себе красивые прически, и считать в уме без всякого калькулятора, и готовить вкусные салаты – например, гордость на всю Москву: из ананасов с креветками...

Но, увы, не получалось. Одно из двух: или природа действительно решила на ней отдохнуть. Или, как Настя однажды подслушала, папашкины гены подмешались.

Папашка (Настей никогда не виденный) считался в семье Капитоновых образцом бездарности и сволочизма. О нем старались не вспоминать. Будто не было его – и все.

Мама с раннего детства пыталась выявить в Насте какие-нибудь таланты. Ну, пусть не таланты – способности. Или хотя бы склонности. Настю швыряли то на гимнастику, то на фигурное катание, то в музыкалку, то в художественную школу... И везде она оказывалась в середнячках. В твердой, надежной и скучной серой массе.

Пейзажи ее были забавны, но их никогда не брали на выставки.

Учительница музыки ставила ей «твердые четверки с переходом в пятерки», но никогда не приглашала выступить даже на общешкольном концерте, не говоря уже о мероприятиях в Доме композиторов или в консерватории... В фигурном катании ее максимальным достижением стала массовочная роль снежинки на новогоднем утреннике. Тренер по гимнастике гладила ее по голове и ласково приговаривала: «Настенька – мое живое полено...»

Только классу к седьмому маме надоели эксперименты, и Настю наконец оставили в покое.

– Хотя бы в школе учись без троек, – досадливо напутствовала она бесталанную дочь.

И пару лет Настя была почти счастлива. Только уроки, и никаких дополнительных школ-секций-курсов. Появилось время поболтать во дворе, походить по киношкам, почитать внепрограммные книги, освоить краткий курс первых поцелуев в подъездах и на пустынных детских площадках... (Если бы еще только вахтер из их дома за ней не шпионил и не докладывал потом деду: «А ваша Настя сегодня опять с каким-то длинным целовалась!»)

Мама безропотно подписывала дочкин четверочный дневник и лишь изредка досадовала, что Настю никогда не посылают на межшкольные олимпиады – даже районные, даже по литературе... А Насте – ей безумно нравилось, что больше не надо ни с кем соревноваться и не нужно часами долбить непонятные науки или искусства и страдать из-за того, что ты – хуже других...

В девятом классе пришло время заикнуться о шубке. (Почти все девчонки из их спец-класса щеголяли в мехах, на худой конец в дубленках, и только две-три, Настя в том числе, донашивали детские пальтишки.)

Мамуля фыркнула:

– Шубку? Это вряд ли!

– Но почему? Можно пошить очень недорого... Если скорняк знакомый...

– Нет, Настя, – твердо сказала мама. – Мы и так на тебя каждый месяц деньги откладываем.

– Какие деньги? – не поняла Настя.

Мама вздохнула, сказала раздельно и четко, как глупенькому ребенку:

– Ты в институт-то поступать собираешься? Или как, в ПТУ пойдем?

Настя пока всерьез не думала об институте. Но пришлось покорно кивнуть:

– Конечно, собираюсь.

– Поди, в иняз намылилась? Или в МГИМО?

– Нет, в МГУ, наверно. На филологический. Или на философский. А можно и на факультет журналистики.

– Понятно... – протянула мама. – Предпочитаешь говорильню.

– Почему это говорильню? – ошетинилась Настя.

– Потому что книжки читать проще, чем доказывать теоремы и решать задачки. А трудностей ты боишься.

– Ничего я не боюсь! – воскликнула Настя. – Просто не люблю я ни математику, ни физику!

– Не любишь и не понимаешь, – последнее слово все-таки осталось за мамой. – Ладно. Что туда, в МГУ, сдавать будешь, уже выяснила?

– Сдавать?.. – Разумеется, этого Настя не знала. Пришлось импровизировать: – Ну, сочинение. Английский, наверно... Обществоведение. Все гуманитарное, ничего сложного.

Мама вздохнула:

– Значит, говоришь, ничего сложного... И ты думаешь, что поступишь сама? И денег никаких не надо?

– А при чем тут деньги? Пишу я хорошо. Мое сочинение даже в классе однажды читали. По английскому у меня в году, наверно, пятерка будет. А в десятом классе еще подналягу. По всем гуманитарным предметам на пятерки вытяну.

Мамуля злорадно улыбнулась и выстрелила английской фразой. Фраза прозвучала красивой и непонятной музыкой. Настя поняла из нее единственное слово: предлог *if*. Или это не предлог – а союз?..

Вид у Насти был весьма озадаченный, и мама сжалилась, объяснила:

– Это на сленге... Дословно переводить не буду, там не совсем прилично... Но смысл такой: «Хочешь поступить – гони деньги». А эти твои разговоры: «Пишу хорошо, да пятерка в аттестате...» – детский лепет, и только.

Но Настя все равно не понимала. Девчонки из класса говорили о своем обучении, да в престижных вузах, как о чем-то само собой разумеющемся. В разговорах порой подразумевалось, что за поступление родителям придется уплатить взятку, но о ее размерах речи не заходило. И тут мама наконец прояснила:

– Знаешь, как сейчас говорят? Меняю ключи от машины на студенческий билет. А машина семь тысяч стоит, если не знаешь. Неужели подружки тебя еще не просветили?

Настя не поверила:

– Машина? Целая ма-ши-на?

– А мальчикам даже дороже выходит, – добавила мама. И объяснила: – Им поступить важнее, потому что иначе – армия.

– И что, все наши... в смысле родители всех наших... будут платить? – поинтересовалась Настя.

Мама пожала плечами:

– Милкина мама, может быть, и нет.

(Настя однажды сдуру проболталась, что подруга заняла первое место на московской олимпиаде.)

– Ей и нечем платить, – пробурчала Настя. – У нее зарплата сто сорок.

– Зато у Милы способности не в пример твоим, – приложила ее мама. – Так что одно из двух, Настя: или – большой талант, или – большие деньги. А с талантами у тебя, прямо скажем, не очень...

– Но они – ну, те, кто принимает экзамены, – не сдавалась дочь, – обязаны спрашивать нас только по школьной программе! А ты со мной на каком-то сленге разговариваешь. Даже переводить неприлично! И еще сердись, что я не понимаю! Школьники сленг знать не обязаны!

– Наивное ты создание... – вздохнула мама. – На сленге не поймают, так на грамматике завалят. Про МГУ твой точно не знаю, а в Мориса Тореза в прошлом году был конкурс семнадцать человек на место. А ты, – не удержалась мама, – все развлекаешься, по кино бегаешь. Хотя давно уже пора в институт готовиться, к преподавателям ходить...

Настя покачала головой:

– Все равно я не понимаю... Ты же сама говорила: у деда такие связи! Что он, у нас последний человек? Да он наверняка с самим ректором МГУ знаком! И не просто знаком, а ректор у него чего-нибудь просит. Кирпичи там или фонды какие-нибудь... Неужели дед не замолвит за меня словечко?

«Что-то я разошлась, – отметила она про себя. – Кажется, перебарщиваю».

Но мама не стала ей выговаривать, только отмахнулась досадливо:

– Ты же знаешь, как дед болезненно относится ко всякого рода проявлениям блага! Но ради тебя он, конечно, мог бы сделать исключение... С дедом мы этот вопрос обсуждали. Технические вузы у него практически все схвачены. Куда хочешь: в МВТУ, МИФИ, МЭИ, МИСИ... Возьмут, и экзамены – просто формальность. А вот с гуманитаркой у него проблемы. Плехановский он тебе еще может устроить, но ты же туда не хочешь?

– Не хочу, – кивнула Настя.

И нарвалась на очередную мамину оплеушку:

– Да уж, с твоей математикой только в экономисты идти.

Настя молчала. Мама спросила – вопрос, впрочем, прозвучал скорее как утверждение:

– Так что путь у тебя один: заниматься с репетиторами. Готова?

– Готова, – откликнулась Настя. И неожиданно для себя добавила: – И заниматься буду, и поступлю сама – без всякой взятки!

– Попробуй, – согласилась мама. – Когда готова начать?

– Да хоть сейчас, – вскинула голову Настя.

– Три занятия в неделю. Домашние задания большие. Плюс школа, выпускные экзамены, – продолжала пугать мама.

– Подумаешь! У меня потенциал большой. Только пока неразвитый, – процитировала Настя свою учительницу по литературе.

– Ну что ж, посмотрим, – в маминих глазах мелькнули искорки торжества. – Девятый класс уж догуливай, а я тебе пока репетиторов найду. Может, и правда без взяток удастся обойтись...

АРСЕНИЙ

С тех пор как в седьмом классе у них в школе начались пресловутые «огоньки», Арсений заметил, что девчонки приглашают его на белый танец куда чаще прочих парней. Имелись и другие свидетельства их повышенного интереса к его персоне: записочки, летающие к нему на парту, игра глазами в его присутствии и глупое хихиканье.

Как человек аналитического склада ума, Арсений задался вопросом о причинах данного феномена.

Изучение лица и прочих частей тела при помощи зеркала ничего не объясняло. На Арсения смотрел тощий жилистый жестковолосый подросток. Изрядное оволосение тела. Нос картошкой. Правда, никаких признаков прыщей – и глаза голубые. Но мало ли у кого имеются голубые глаза и отсутствуют *угрис вульгарис*!

И только более тщательный анализ дал объяснение: девчонкам с ним интересно. Весело. Прикольно.

И вправду: по количеству (и качеству!) лапши, развешиваемой на уши всем окружающим: друзьям-сверстникам, девчонкам, учителям, взрослым Сенька Челышев был непревзойденным чемпионом. О чем его ни спроси, обо всем знает или, по крайней мере, имеет представление. И рассказывает о том, что знает, с выдумкой и остроумием.

Вот пример. В девятом классе девчонки повально посходили с ума: чуть не каждая завела себе анкету.

Анкета являла собой толстенную тетрадь, полную idiotских вопросиков: Ваши подруги? Ваши друзья? Ваши кулинарные пристрастия? Ваши жизненные устремления?

Все переменки (и уроки) девчонки заполняли друг для дружки анкеты. И постоянно подсовывали их парням.

Кое-кто красных девиц с их анкетами просто посылал. Отличнички занудливо-честно отвечали про свои устремления и пристрастия. А Арсений наворотил такого, что девчонки потом неделю хохотали.

«Ваша любимая девушка?» – «Маргарет Тэтчер».

«Ваша любимая книга?» – «Л.И. Брежнев, «Малая земля».

«Ваша страсть?» – «Море».

«Ваш любимый мужчина?» – «Дед».

Про море и про деда, между прочим, полная правда.

Родное Черное море Сеня обожал. А деда боготворил. Самый четкий в мире мужик. Самый клевый. Самый понимающий.

Во-первых, дед, хоть и старый, никогда не ворчит. Например, ни слова не сказал, когда Сеня распустил по квартире червей, заготовленных для рыбалки. Только ухмылялся, когда бабушка потребовала поставить ножки кровати в четыре тазика с водой – чтобы червяки к ней в постель не заползли.

На городском причале у деда есть собственная моторка, зовется «Альбатросом». И хотя солярка в Южнороссийске периодически исчезает, дед всегда где-нибудь раздобудет канистру-другую. Бабушка, правда, ворчит, что ставридки, традиционный улов, свободно помещаются в спичечные коробки, но дед все равно регулярно выходит в море. И без звука берет Сеню с собой.

Ну и вообще, дед у него непростой, хотя со стороны кажется – лопух лопухом.

Например, в детстве Сеня у него мелкие деньги из карманов тырил – немного, чтобы на мороженое хватило да на киношку. Сначала дрожал, что он заметит недостачу. Потом решил: слишком он рассеянный, ничего дальше своего носа не видит. И только к шестнадцати годам Арсений понял: дед ему денюжат специально подкладывал. Понимал, что у пацана должна быть своя копеечка на расходы, а просить парню каждый раз неудобно.

...Ханжески сердобольные соседки Сеню жалели. Называли сироткой или тростиночкой – потому что худой.

Сеню это бесило: он не сирота, и у него есть замечательный дед и милейшая бабуля, у них имеется квартира с видом на бухту, и у них в доме царят мир, веселье и взаимоуважение. Не то что, скажем, у друга Мишки – где полная семья, ковры и хрустали, зато его предки вечно с кислой мордой и не пускают гостей дальше прихожей.

...Отца Сеня помнил смутно. Сперва ему объясняли, что папа – в командировке, затем официально считалось, что он погиб в автокатастрофе, и только в подростковом возрасте Сене открыли глаза: на самом деле отец, будучи, как всегда, выпивши, банально попал под автобус.

А мама умерла совсем молодой, Сене тогда было пять лет. Умерла от рака. Однажды Сеня спросил: почему бабушка-врач и дедушка-врач ничего не смогли сделать, чтобы ее вылечить. Лучше бы он не задавал этого вопроса. Он никогда не видел деда с бабулей такими хмурыми и расстроенными. И – такими виноватыми. И потому – разгневанными. Сене даже на секунду почудилось страшное: что они, дед и бабушка, *могли* спасти маму, но почему-то *не захотели* этого сделать.

Правда, потом ему объяснили – рак это такая болезнь, от которой в принципе нет спасения. Смерть можно только отсрочить, но прогнать совсем – невозможно.

И класса до пятого Сеня даже носился с идеей, что он выучится на врача, станет мировой знаменитостью и совершит наконец то, что до сих пор оказалось не под силу человечеству: разработает антираковую вакцину.

Лет до одиннадцати Сеня брал в детской библиотеке научно-популярную литературу по медицине, вечерами зубрил латинские названия костей из дедушкиного анатомического атласа и требовал у бабушки «поиграть в диагноста»: она перечисляла симптомы, а он должен был поставить диагноз.

Но, как он ни старался, медицина его не захватила. Слушать бабушкины рассказы из лечебной практики было интересно, а вот представить самого себя в роли врача Сеня не мог.

Тягомотина какая-то. И зарплата маленькая – вон, у бабушки с дедом нет ни машины, ни хорошей мебели.

Выручил его дед. Углядел как-то, что Сеня со скучающим видом сидит над медицинским атласом, и предложил:

– Не валяй дурака, Арсений. Не нужна тебе медицина. Тебе ж это неинтересно!

– А мне ничего не интересно, – пробухтел Сеня.

– Ну раз неинтересно – то и не делай ничего! – справедливо рассудил дед.

Для виду пришлось повздыхать, но атласы с костями Сеня потихоньку забросил. И без того во дворе и на улице было чем заняться.

Они с друзьями ходили на рыбалку. Посещали секцию бокса и устраивали тренировочные матчи. Исследовали подвалы, а здесь было где разгуляться! Дома в Южнороссийске старые, многие построены еще пленными немцами. Подвалы темные, страшные, извилистые. В них то и дело отыскивались разные интересные штучки: почерневшая от времени серебряная ложечка. Бронзовый подсвечник. И даже эсэсовский кинжал с гравировкой «Алес фюр Дойчланд»...

А летние кинотеатры!.. Как клево смотреть фильм с дерева или с забора!

...Сеня всегда удивлялся, почему его друзья по кино, рыбалкам, боксу и подвальным прогулкам получают дома регулярные нагоняи за «тройбаны» и «пары». Сам он играючи успевал все. И даже свободное время оставалось, чтобы фантастический роман пописывать. Настоящий роман, на первый взгляд не хуже Стругацких!

Роман он не показывал никому, а вот малые жанры – охотно.

Школьная стенгазета пестрела Сениными рассказиками. Сочинения на свободную тему регулярно посылали на всякие конкурсы. А пару зарисовок опубликовала местная главная газета «Южнороссийский рабочий».

Дед по этому поводу сказал:

– Ты у нас прямо Чехов. Нет, Вересаев. Или Булгаков.

Сеня понял, хмыкнул в ответ:

– Не, деда, в медицинский я не пойду. Перегорел.

Дед улыбнулся:

– Помнишь, как в детстве кости учил?

– Я и сейчас их помню. Артериор империор, артериор супериор...

– Фу, прекрати. Все ты неправильно говоришь, – отмахнулся дед. – А куда поступать-то собираешься?

Идея у Арсения уже созрела.

– На факультет журналистики хочу попробовать, – признался он.

– В Москве? – уточнил дед.

– Ну не в Краснодаре же! – возмутился Сеня.

Все пай-мальчики из их класса намеревались покорять столицу, а он, лучший ученик, вдруг поедет в краевой центр!

– План действий наметил? – поинтересовался дедуля.

– А как же, – гордо ответил Сеня. – В десятом классе на заочные курсы поступлю. На английский подналягу. Ну, и публикации нужны, пять штук. Я уже узнал: можно будет их в нашей газете сделать. Они меня с лета внештатником возьмут.

– Молодец, – похвалил дед.

И больше к разговору об институте не возвращался. Однажды, когда Сеня учился в девятом, он пошел ночью в сортир и подслушал исторический разговор между бабулей и дедом. (Вообще-то подслушивать Арсений не любил, но уж больно интересным оказалось начало.)

– Жаль мне Арсения, – произнесла бабушка.

Сеня оторопел: с чего это бабушке его жалеть? И подошел поближе к двери их спальни.

– Он парень крепкий. Переживет, – откликнулся дед.

Интересно, о чем они?

– Но все равно это несправедливо! – повысила голос бабушка. – Он такой умный и так этого хочет!

Неужели она про цветной телевизор или даже видак, о котором Сеня давно мечтал, но молчал, потому как денег на него взять было все равно нигде?

– Напиши Егору, – вдруг произнес дед.

Егор? Арсений напряг память: нет, это имя он слышал впервые.

– Нет, – решительно отказалась бабушка.

– Мы никогда его ни о чем не просили, – мягко проговорил дед.

– И не будем просить, – отрезала бабуля.

Ну ничего себе: какая она, оказывается, бывает стальная! Но кто он такой все-таки, этот Егор?

– Для себя не будем просить. А для Арсения можно, – возразил дедушка.

– Пускай поступает сам, – отчеканила бабуля, и тогда Сеня наконец догадался, что говорят они о его грядущем поступлении.

– Не поступит, – вздохнул дед. – МГУ – блатной вуз, а журналистика – блатной факультет. Туда только своих берут. Или за взятку.

Сеня еле удержался от возмущенного фырка. А дед повторил:

– Так что не поступит он. И загремит в армию. Поэтому напиши, Танечка, ради Сеньки напиши...

* * *

Егор Ильич Капитонов не любил отказываться от своих привычек. Даже от глупых привычек, всегда уточняла жена.

Сама супруга привычки меняла с легкостью. Было модным носить «бабетту» – взбивала волосы под «бабетту», а потом, в соответствии с новыми веяниями, стригла их под каре. Галина Борисовна постоянно неслась на гребне волны – будто и не солидная дама, не жена ответственного работника, а приезжая студентка из райцентра. То на шпильках учится ходить, то макраме плетет, то вдруг новый бзик: проводит вечера в консерватории. Или окунается в вовсе экстравагантную моду: пытается освоить теннис.

Егор Ильич, человек мудрый, самодостаточный и влиятельный, над ее закидонами только посмеивался. Пусть ее развлекается, если перемены не затрагивают лично его. Галина, правда, иногда пыталась и мужа переучивать: то хлебцы (вместо нормального хлеба) пробовала вводить, то молочную диету. Но Капитонов быстро ставил зарвавшуюся жену на место. Точнее, даже и не ставил, а просто тихим голосом требовал черного хлеба, а утреннюю ряженку (вместо кофе) – выливал в унитаз.

Галине Борисовне приходилось покоряться. Конечно, временами она спорила, шумела и даже пыталась плакать. Но в конце концов все равно соглашалась с мужем.

Например, отпуск Егор Ильич всякий раз проводил в Сочи, в одноименном санатории Четвертого главного управления Минздрава. Так было и в этом, восемьдесят втором году, несмотря на то, что супруга с дочкой и внучкой укатили в Болгарию.

Днями он добросовестно принимал процедуры, на закате посещал пляж, вечерами – неспешно прогуливался по чистенькой набережной, поглядывал на хорошеньких курортниц, в меру баловался грузинскими винами.

Набережная в Сочи похорошела, и на каждом углу давили апельсиновый сок, прося за стаканчик тридцать копеек (Егор Ильич не сомневался, что в Болгарии, куда дезертировали его девочки, свежавыжатые соки стоят куда дороже).

– Какая граница сравнится с нашим Сочи! – неизменно отвечал Капитонов жене: она регулярно звонила в его номер из Болгарии.

Но имелась у Егора Ильича еще одна причина, по которой он настоял именно на Сочи. Об этом он не сказал ни дочери, ни жене. Перед отъездом в Москву Капитонов собирался навестить Челышевых.

Письмо от Татьяны Дмитриевны пришло еще в мае. Письмо спокойное, сдержанное и достойное:

«Южнороссийск нас кипением жизни не балует. Все ваши московские события видим только по телевизору. Однако скучать особо некогда: Арсений не дает. Учится он, правда, хорошо, но хлопот с ним тоже хватает. То домой является за полночь: видите ли, девушки. То рыбалка его дурацкая... Он совсем захватил дедову моторку, выходит на ней в море в любую погоду. Вчера в шторм попал, вернулся весь мокрый. И не запретишь ведь: взрослый уже парень, на следующий год в институт поступать...»

В конце письма Татьяна Челышева мягко пеняла Капитонову, что он совсем забыл старых друзей, и приглашала его обязательно заехать к ним в гости: *«Ты же своим привычкам не изменяешь, отдыхаешь по-прежнему в Сочи. Оттуда в Южнороссийск ходит „Комета“, всего четыре часа в пути (для сравнения, на автобусе восемь!). Будем очень рады тебя видеть».*

Ехать в Южнороссийск, город его романтической юности, Капитонову не хотелось.

Но Егор Ильич знал: Тане он отказать не может.

АРСЕНИЙ

Телеграмму принесли вечером.

Бабушка телеграмм боялась еще с сороковых лихих годов. Дрожащей рукой она развернула бланк и вскрикнула: «Егор приезжает! Завтра! Утром!»

Сеня скривился: только вчера они поспорили с дедом на фофан – внук утверждал, что московский буржуй настолько зажрался, что даже на письмо не удосужится ответить. Но поди ж ты: снизошел! И даже почтит их своим присутствием.

– Что ж он предупредил-то так поздно! – переживала бабуля. – И не убрано, и я испечь ничего не успею!

Немедленно произошла тотальная мобилизация. Деда бросили на чистку ковров, от Сени в ультимативной форме потребовали вылизать свою комнату. Сама бабушка терла пыль и вздыхала. Глаза у нее были грустные. Арсений милостиво предложил:

– Устала, бабуль? Давай я дотру.

– Нет-нет, Сенечка, все нормально...

Сеня обратился за разъяснениями к деду. Тот скривился:

– Я же говорил тебе, Егор Ильич у нас большой начальник. В Москве в пятикомнатной квартире живет в центре города. А мы тут, со своим свиным рылом...

Он широким жестом показал на привычный, родной интерьер: старый стол (щербинки скрывала скатерть), скрипучий секретер (дед то и дело менял шарниры на откидной дверце), протершийся ковер.

Сеня только пожал плечами. Подумаешь!

И вообще этот Капитонов ему заочно не нравился. Тоже мне, благодетель!

Чем, интересно, он может помочь? Экзаменационные билеты, что ли, достанет? Или денег даст на взятку?

...Но ни экзаменационных билетов, ни денег московский буржуй Сене не предложил. Встреча старых друзей сложилась совсем по-другому.

Во-первых, буржуй вел себя скромно. Особенно в бабушкином присутствии. Даже можно сказать – смущенно. Сенья сам отпирал ему дверь и заметил: пока в коридоре он стоял один, столичный гость и грудь вперед выпячивал, и шею выгибал, словно индюк. Но стоило появиться бабушке, как Капитонов сразу поник, сдулся. Он покорно склонил голову, прикладываясь к ее ручке. В этот момент в коридор вышел и дед. И буржуй вздрогнул, когда дед шутливо сказал:

– О, Егор, да ты в своем репертуаре...

Сенья ждал, что Капитонов будет без перерыва хвастаться своим московским положением. Морщить нос на икру из «синеньких». Кривить морду на их вытертые ковры.

Но буржуй вел себя безупречно. С удовольствием прошелся по всей квартире. Похвалил дикий виноград на балконах и вид из окон. А скатертью с бабушкиной вышивкой восхищался так искренне, что пришлось ее скатывать и дарить ему. И небогатую еду лопал с аппетитом, все нахваливал вяленую ставридку.

Сенья сидел смирно, больше помалкивал. Мучился с вилкой в левой руке и внимательно наблюдал за Капитоновым. Что-то странное было в этом буржуйе, что-то очень странное...

Глаза. В его глазах прятался... нет, не страх. Какая-то неуверенность, недосказанность. Особенно когда он смотрел на бабушку. А на деда Капитонов и вовсе старался не смотреть, отводил взгляд. Это Сенья тоже отметил.

И только с ним буржуй держался по-свойски, запанибрата.

– Ты, говорят, в МГУ намылился? На факультет журналистики? В курсе – какой там конкурс?

– Семь с половиной, – пожал плечами Сенья. – Это до творческого конкурса. А после него, наверно, будет человек шесть на место.

– Там есть творческий конкурс? Не знал... – удивился буржуй.

– Сенья, принеси нам вина, – попросила бабуля. – И, если у тебя дела, можешь идти. А мы еще посидим...

«А, секретные разговоры!» – чуть не ляпнул Сенья. Но язык все-таки придержал, принес вино и смылся на вечернюю рыбалку.

Сенья не догадывался, что, когда он вернется, судьба его уже будет решена.

Глава 2 НАСТЯ

Сентябрь 1982 года

У деда безупречный вкус.

Да и все остальное в нем безупречно: и работа, и зарплата, и образ жизни. Идеал, полубог, неприступный и недостижимый. «Диктатор», – однажды подслушала Настя. Так Егора Ильича назвала мама в разговоре с бабушкой.

Все решения в семье Капитоновых принимал дед. Он даже не трудился *создавать видимость*, что его *женщины* тоже имеют право голоса. Просто выносил свой «приговор» – и горе тому, кто пытался его оспаривать.

В сентябре он вызвал Настю к себе в кабинет. Именно – вызвал, и именно – в кабинет (обшитую дубовыми панелями комнату с антикварным столом по-другому не назовешь). Приказал:

– Садись, поговорим.

Впрочем, *поговорить* Насте не удалось – с трудом пару слов вставила.

– Значит, ты собираешься в МГУ. На гуманитарный факультет. На какой конкретно – *без разницы*, как ты говоришь. Верно?

Настя кивнула. Дед продолжил:

– Объясняю расклад. На филологическом – очень высокий конкурс. Плюс – нужно много и осмысленно читать, а этого ты не любишь. И учить минимум три языка. И перспективы по окончании смутные. Переводчик – не профессия. Так, обслуживающий персонал... А идти работать в школу? Учителем? – Дед скривил рот. – Далее. Для философского – нужно иметь особый склад мышления. И опять же много, и еще более осмысленно, читать. А по окончании придется, в идеале, работать преподавателем марксистско-ленинской философии в вузе. Тоже не сахар. Наконец, остается факультет журналистики... – Дед сделал паузу, видимо, ожидая ее реакции.

– Хорошо. Пусть будет факультет журналистики, – покорно сказала Настя.

Судьба ее оказалась решена чрезвычайно быстро.

– Тебе нужны публикации в прессе, – продолжил дед. – Ты об этом знаешь?

Настино сердчишко екнуло. Но голос не дрогнул.

– Знаю, – соврала Настя. – Буду пробовать для «Комсомолки» писать. Для «Алого паруса».

– И зря потеряешь время. Не напечатают. Вот тебе координаты, – дед перекинул ей бумажку. – Это – главный редактор газеты «Московский автозаводец». Многотиражка завода ЗИЛ. Позвонишь, скажешь, что ты моя внучка. Он поможет.

Настя скривилась – какая-то заводская многотиражка!.. Но возражать не стала. Молча взяла телефон.

– Дальше, – продолжил дед. – Преподавателей тебе уже нашли. Все они с факультета. Заниматься начнешь – с понедельника. Предупреждаю – будет тяжело. Но я обещал преподавателям, что ты справишься. Да, и еще. В школе о репетиторах не болтай. Если спросят, как готовишься в вуз, говори, что ходишь на подготовительные курсы. Все поняла? Тогда действуй.

И у Насти началась совсем другая жизнь.

Репетиторов было трое. По русскому с литературой, по английскому и по обществоведению. После вступительного мини-экзамена – преподаватели называли его «тестом» – все трое вынесли Насте вердикт-приговор: «Ноль». А русичка, самая строгая из всех, припеча-

тала: «С такими знаниями – даже в школе нужно тройку ставить». (Слово «школа» было для нее чем-то вроде ругательства.)

Репетиторы предупредили Настю – все, как один, причем одинаковыми словами: «Вам предстоит очень, очень трудный год». И дружно завалили ее домашними заданиями: голову от письменного стола не поднимешь. Кино, театры или мальчики – исключились напрочь, хотя развлекаться Насе вроде бы никто не запрещал. Она сама понимала: никакое кино в радость не будет, если завтра тебя русичка станет высмеивать, что домашка плохо сделана. Правда, вот школьные Настины отметки немедленно подскочили до твердых пятерок.

Уж чего Настя не ожидала – что родной русский будет ей даваться тяжелее английского. Репетиторша, суровая Вилена Валентиновна, ей еще ни разу выше тройки не поставила. На последнем занятии вообще два балла вкатила. И за что?! За *приставку*!

– Разбираем по частям слова. «Преодоление». Корень: «одол», приставка – «пре»... – бодро начала разбор слова Настя.

– Что-что? – нахмурилась Вилена Валентиновна.

– Приставка – «пре», – повторила ученица.

– Приставки, Настя, остались в школе, – сурово сказала преподавательница.

Настя не поняла:

– То есть как?

– А так, – хмыкнула Вилена. – В школе – приставки, а у нас, в университете, – префиксы.

– А корень – у вас тоже по-другому называется?

– Нет. Все остальное – так же. Корень, суффикс, окончание...

– А почему приставку переделали в префикс?

Вилена Валентиновна слегка улыбнулась:

– Наверно, потому, что конкурс – восемь человек на место.

– И что будет, если абитуриент скажет – «приставка» вместо «префикса»? – поинтересовалась Настя.

– Минус балл – сразу, – просветила ее Вилена Валентиновна. – Так что сегодня тебе – двойка. Понимаю, обидно. Зато навсегда запомнишь.

«Интересное кино получается, – думала Настя по дороге домой. – В школе у нас говорят «приставка», и в учебнике, точно помню, пишут – «приставка». А у них, понимаешь ли, «префикс»... Чувствую какая-то. Да с такими порядками если бы сам Ломоносов приехал из Холмогор – ни за что в университет своего имени не поступил бы».

Вообще Настя пришла к выводу, что универ – штука какая-то подлая. Она с предками только из-за него и ссорится. Ну, когда Вилена позвонила, пожаловалась, что ученица к урокам плохо готовится – еще можно понять, что бабка с матерью на нее наорали. А вот почему они к ней из-за Милки прицепились...

Милка – Настина лучшая подруга.

Настины родные ее не любят. «Девушка себе на уме», – говорит мама. «Из грязи – хочет в князи», – хмыкает бабушка.

А Милка на самом деле вовсе не из грязи. Подумаешь, без отца живет – так Настя тоже своего папаню в жизни не видела.

Правда, у подруги мама – всего лишь терапевт в районной поликлинике. Но зато Милка – веселая, всегда помогает Насе с математикой и танцевать ее учит. Рок-н-роллу уже почти обучила!

Настя тоже пыталась чему-нибудь *научить* Милу, но всегда оказывалось, что подруга и знает больше, и соображает быстрее. А удивить ее можно только финским сервелатом или черной икрой.

Но удивлять подругу съестным – это одно. А научить чему-то полезному – совсем, совсем другое! Так что Настя обрадовалась, когда ей наняли репетиторов: вот и от нее получится реальная помощь! Милке ведь тоже сочинение в свою Плешку писать, а частных учителей у нее нет, сама занимается.

– Мне репетиторша такие тексты дает на разбор – закачаешься! – похвасталась Настя. – Где запятые ставить, никогда не догадаешься... Хочешь попробовать?

– Да ладно, – отмахнулась подруга. – Расставлю за милую душу. Я всего Розенталя уже вызубрила.

– А давай проверим. Пиши. Диктую: *«Лесная малина, крапива, прихотливые извивы лесного папоротника, припорошенные бусинками божьих коровок...»*

Предложение заняло целую страницу. К торжеству Насти, Милка пропустила в тексте пару запятых, а *«извивы»* назвала *«изгибами»*.

– Не выше чем на тройку, – авторитетно сказала Настя.

– Да ну, – возмутилась подруга, – ахинея какая-то! Таких предложений и в природе-то не бывает!

– Ха, еще как бывают! Знаешь, оно откуда? С настоящего вступительного экзамена! С устного русского, в МГУ, на филологическом факультете!

– Ого! – оценила Милка. – Неслабая у тебя преподша! Прямо настоящий текст на разбор дает?! С реального экзамена?

Настя промолчала. Вот ведь язык без костей: дед же просил не болтать насчет репетиторов!

– Ну, может, не совсем настоящий... Но похожий, – пробормотала Настя.

– Во дела! – изумилась Мила. – Вот, значит, как они нас ловят... Я и слова-то такого не знаю – *«извивы»*... Сволочи.

Настя не стала развивать скользкую тему.

– В общем, могу поделиться, – предложила она. – Хочешь – диктовать тебе буду.

– Давай диктуй, – решила подруга. – И тебе полезнее. Будешь читать – и запоминать, где запятые нужны.

...Настя однажды ляпнула родным, что помогает подруге с русским. Мама немедленно уточнила:

– У Милы что, трудности в школе?

Настя усмехнулась:

– Что ты, мам... У нее-то никаких трудностей. Я ей просто диктую те диктанты, что мне Вилена дает.

– А сама Мила, конечно, с репетиторами не занимается, – констатировала бабушка.

Настя только плечами пожала.

А бабушка вкрадчиво спросила:

– Настенька... а ты знаешь, сколько уборщица получает?

– Уборщица? – не поняла Настя. – А при чем тут уборщица?

– Я просто спрашиваю тебя, знаешь ли ты, какая зарплата, ну, скажем, у нашей тети Лены?

Тетя Лена, розовощекая деваха из Луховиц, мыла полы в их красивом подъезде.

– Н-ну, я не знаю. Рублей сто, наверно.

– Семьдесят. В месяц. И работать ей приходится каждый день, без выходных, – про-светила ее бабушка. – А знаешь, сколько мы платим Вилене Валентиновне?

– Не знаю, – вздохнула Настя. – Я в конвертики не заглядывала.

(На самом деле, конечно, заглянула. И позавидовала Вилене: пары ей вкатывает, да еще и по тридцать рублей за урок за это получает.)

– Вот и подумай, – мягко сказала мама, – мы платим за твои занятия по двести сорок рублей в месяц...

– А Милка, значит, через меня бесплатно учится, – закончила за нее Настя. – Но ей же тоже хочется поступить!

Бабушка назидательно сказала:

– За все в жизни надо платить.

– А с каких им доходов платить-то? – поинтересовалась Настя. – У нее мама и так на две ставки пашет.

– Ну а ты здесь при чем? – развела руками бабушка.

– Да ни при чем, конечно, – пробурчала Настя.

Дед спокойно резюмировал:

– У моих приятелей внук тоже в институт готовится. Так они еще пятнадцать лет назад это предусмотрели. Сберкнижку завели парню и копили специально на репетиторов. За пятнадцать лет, Настена, очень много скопить можно. Сколько бы ты ни зарабатывал. Хочешь – сама посчитай на досуге, сколько получится, если каждый месяц хотя бы по десять рублей откладывать.

– А Мила твоя пускай на подготовительные курсы идет, – подвела итог мама. – Учат там... неплохо. И стоит недорого.

– Я ей скажу, – пообещала Настя.

...Диктанты девочки теперь писали на Милиной территории.

Проницательная Милка поняла:

– Запретили тебе со мной заниматься?

– Ну... – растерялась Настя. – Не запретили, конечно... Не рекомендовали.

– Конечно, нечего какой-то швали в Плешку идти. И на вас, блатных, мест не хватает.

– Мила!

– Ладно, извини. Мне просто маман тоже на мозги капает. Чего, говорит, зря нервы трепать. Все равно в Плешку не поступишь.

– Поступишь, – заверила ее Настя. – Ты куда угодно поступишь, хоть во ВГИК.

– Ага, поступлю... Моя мама знает как говорит: «Дети наших начальников станут начальниками наших детей». Так что ты, Настыка, будешь лет через десять мной командовать. На законных основаниях.

– Тобой, пожалуй, покомандуешь, – буркнула Настя. – Ну что, будем диктант писать или философию разводить?

Настя действительно не сомневалась: Мила поступит куда захочет. У нее хоть репетиторов и нет, а ошибок в диктанте она делает куда меньше. Способности, повезло... Ладно, а мы будем брать упорством.

И Настя по собственной инициативе взяла на себя дополнительную нагрузку. Принялась перед сном штудировать учебник Розенталя. Двойная польза: какие-никакие знания – плюс средство от бессонницы.

...Мама заглянула в ее комнату без десяти одиннадцать вечера. Настя как раз решала дилемму: дочитать главку про запятые с союзом «а» или плюнуть и завалиться спать.

Ирина Егоровна уважительно посмотрела на обложку:

– Вилена Валентиновна задала?

– Нет... Добровольная дополнительная нагрузка.

– Смотри, – припугнула мама. – Бледная уже, как смерть. Так и сорваться можно.

«Вот мамуля умеет поднять настроение!»

Настя пробурчала:

– А, ерунда. Справлюсь. Я же обещала тебе поступить. Вот и стараюсь.

– Ну, старайся, – кивнула мама.

«Все равно она не верит, что я поступлю».

– Ты что-то хотела, мам?

– Да, – Ирина Егоровна присела на краешек кровати. – У меня для тебя есть новость.

– Плохая, хорошая?

– Оглушительная!

– Неужели Вилена меня похвалила?

– Похвалила? Тебя? – Мама не сочла нужным изгнать из голоса презрительные нотки. –

Нет, новость из другой оперы. У тебя теперь будет товарищ.

– Че-го?

Не мама ли позавчера выступала: «Сначала институт – потом товарищи»?

– Товарищ по урокам, – тут же поправилась Ирина Егоровна. – Ты что-нибудь слышала про Челышевых?

– Это эти... морские волки, как их дед называет? Которые в Южнороссийске живут?

– Да, они. А их внук, Арсений, тоже собирается поступать на твой факультет.

Настя прищурилась:

– Ну и пусть поступает. Я тут при чем?

Мама будто не расслышала:

– Арсений приезжает в Москву. Жить будет у нас, учиться – в твоей школе, заниматься – с твоими репетиторами.

– Ничего себе, – обалдело заметила Настя. – И это ты называешь хорошей новостью?

Мама отрезала:

– *Хорошей новостью* это считает дед. Он говорит, что Арсений парень крепкий и ответственный. Что он хоть волноваться не будет. Будет кому тебя вечерами с уроков провожать.

У Насти сон как рукой сняло:

– Вот это новость! Значит, все это затеял дед? – горячо спросила она.

– Дед. – Мама встала, распрямила спину. Посмотрела на Настю сверху вниз: – А его решения, как ты знаешь, не обсуждаются. Спокойной ночи, Настя.

«Ага. Значит, вы с бабушкой против, – сделала вывод Настя. – И правильно, что против. Это же – глупость какая-то! Принять в семью – на целый год! – чужого человека! Кормить его, учить, обстирывать! Интересно, зачем это деду?! Надо в лепешку расшибиться, а разузнать».

Выяснения Настя начала с бабули. Пристала к ней: «Почему?» да «Для чего?»

Но бабка – стояла насмерть. Нет, она не скрывала, что недовольна приездом «бедного родственника». Возмущалась, что «некоторые тут надумали открыть богадельню». И даже открыто упрекала мужа в «наивности и прекраснотушии».

– Бабулечка, ну скажи: с чего дед его позвал-то? – приставала к ней Настя.

Бабушка скорбно поджимала губы:

– Доброе-вечное сеет. Для всех советских людей равные возможности создает.

Вот и весь разговор, никакой ценной информации. «Старая закалка: языком лишний раз не болтать, – оценила бабушкино поведение Настя. – Но как бы мне во всем разобраться?»

История с диктантами была слишком свежа. Насте ясно дали понять: негоже просто так делиться своими благами. Не принята в их семье благотворительность. «Да у родичей моих снега зимой не выпросишь. А тут – здрасте вам: сиротку за здорово живешь в институт *будут поступать* ».

Мама открыто выражала свое недовольство.

– Зря ты, папа, все это затеял, – вздыхала она в те редкие вечера, когда дед не задерживался на работе и приезжал к вечернему чаю. И мрачно предвещала: – Этот твой Арсений нам еще покажет...

– Не говори глупостей, Ирочка, – сердился дедушка.

– Увидишь, – поджимала губы мама.
А бабушка добавляла совсем уже непонятное:
– Яблочко от яблони недалеко падает!
Настя прикидывалась дуручкой. Хлопала глазами, спрашивала напрямик:
– Дедуль! Ты что – этим Челышевым что-то должен, что ли?
– Ничего я никому не должен! – отрезал дед. – Я. Просто. Хочу. Чтобы. Внук. Моих. Друзей. Поступил. В МГУ. Ясно?!

– Совсем неясно... – бурчала Настя. – Я тоже не против, чтобы он поступил. Но жить-то у нас зачем? Пусть квартиру снимает. И в школу я с ним ходить не хочу. Он же из какой-то деревни. От него воняет, наверно...

– Настя, – суровел дед. – Прекрати!

Настя по долгому опыту знала: когда Егор Ильич начинает сверкать очами, нужно немедленно сдавать позиции.

И она переводила разговор в более безопасное русло:
– Ну расскажи хоть, что этот Арсений собой представляет? Как он выглядит?
Дед сразу добрел:
– Да хороший он парень! Тебе понравится. – И добавлял: – Правда, немного провинциальный, но ничего, обтешется.
– В каком смысле – провинциальный? – фыркала Настя.
– Ну лоска какого-то не хватает. Вот посмотри, например, как ты сидишь?
– Сижу? – удивилась Настя. – Да обычно сижу, как всегда. Даже не сутулюсь.
– Ну вот. А он неуютно сидит. То на краешек стула съедет, то съежится...
– Стеснялся тебя, наверно, – авторитетно заключила Настя.
– Их порода не стесняется. И оглянуться не успеем, как он в нашей квартире пропишется, – заявила бабушка.
– Галочка, хватит, – поморщился дед. – И ты, Настя, парня тоже не обижай. Ему на первых порах тяжело будет...
– Да уж, тяжело! – саркастически произнесла бабушка. – На всем готовом!
– Тебе еды жалко? – прищурился дед.
– Вас мне жалко, – выдохнула бабуля.
– А ты нас особо не жалеешь. Кстати, за репетиторов Арсений будет платить сам. Я ж вам рассказывал – Челышевы пятнадцать лет на его институт копили...
– Тысяч пять ему понадобится, – задумчиво сказала Настя. – Это как минимум.
– Быстро считаешь, – вяло похвалил дед и отвернулся.
«Нет у этого Арсения никаких пяти тысяч. «Кусок» от силы», – заключила Настя.
– Преподаватели, кстати, уже в курсе. И Вилена, и англичанка, и обществовед обещали, что мини-группа будет стоить дешевле, чем индивидуальные уроки, – сообщил дед.
– А внимания Настя будет получать меньше, – тут же встряла бабушка.
– Галя! – снова вздохнул дед.
«Да, нам предстоят веселые денечки», – решила Настя.
Что ж, делать нечего – будем ждать этого Арсения. Понаблюдаем за ним в динамике. Тогда и разберемся, что он за фрукт.

* * *

Настя проснулась в восемь. Какое счастье, что в школу ко второму уроку! Она мысленно пожелала загрипповавшей биологичке лечиться как можно дольше. «И на работу, милая, не вись, а то вдруг осложнение схватишь...»

В квартире – тишина. Дед и мама давно уехали на работу, а бабушка никогда не вставала раньше десяти. Настя минут пять повалялась. Сладко потягивалась, наблюдала за шустрым солнечным зайчиком. Подавила искушение повторить теорему Фалеса. Ну его, этого Фалеса. Все равно по геометрии выше четверки она не вытянет – а «тройбан» ей Филипповна вкатить не посмеет.

Ладно, хватит валяться. Лучше за завтраком подольше посидеть. Хорошо: никто под ногами не путается, не торопит. Хотя... кто-то на кухне есть. Бабушка, что ли, уже встала? Да нет, не может быть. Наверно, дед радио забыл выключить.

«Завтракать буду по своей программе. А кашу выброшу в мусоропровод», – решила Настя.

Мама до сих пор варила ей по утрам ненавистную геркулесовую. Если завтракали вместе, приходилось давиться, но есть. А без маманиного контроля – ни за какие коврижки. Ну ее, эту клейкую полезную кашу. «Виолы» с хлебцами съем. И бутербродик с икрой», – решила Настя. Выпрыгнула из постели. И, как была в пижамке, направилась на кухню.

– «Шаланды, по-олные ке-фа-а-ли...» – вдруг услышала она. В недоумении застыла на пороге.

У плиты стоял незнакомый парень. Лохматый, синеглазый. И брови кустистые, мощные – почти как у Брежнева. Одет в грошовые спортивные брючки и байковую рубашку. Кто он? Ведет себя уверенно, явно не вор. Незванный гость между тем вывел новую руладу:

– «В Оде-ссу Костя-а при-и-иводил...»

Он ловко подцепил что-то со сковородки, перекинул в тарелку.

– Эй... – хриплым от испуга голосом проговорила Настя. – А ты кто?

И тут же поняла. Арсений! Дед ведь сказал вчера, что Арсений приезжает, а у Насти все из головы вон! «Поезд у него какой-то «пятьсот веселый», в пять утра прибывает. Сам встречать, конечно, не поеду. Шофера придется отправлять». А бабушка бурчала, что Арсений может и на метро добраться. Дед еще возмутился: «Какое метро, Галя? Он в Москве первый раз, да с вещами!»

Гость оторвался от сковородки. Широко улыбнулся. Пропел:

– «Рыбачка Соня как-то в мае...» Здравствуйте, милая Настя! У вас очень красивые крокодилы – ну, эти, на пижаме.

Настя наконец очнулась. Наградила Арсения уничижительным взглядом и умчалась в комнату – переодеваться. Вот дела! Теперь в своей собственной квартире придется одеваться.

Она с отвращением натянула джинсы и свитер. Ничего нет хуже, чем с утра, еще не проснувшись, натягивать дневную одежду – она такой колючей кажется...

Вот спасибо деду, удружил!

Настя вновь появилась в кухне и сдержанно поздоровалась:

– Доброе утро. Вы, наверно, Арсений?

Парень усмехнулся:

– Доброе утро. Да, *мы* — наверно, Арсений. А вы, значит, Настя. Мы с вами в школе тоже на «вы» будем?

А он языкастый! И не теряется: любимую бабулину сковородку уже изгваздал, вся в пригоревшем масле.

– Зачем ножом-то царапать? – пробурчала Настя. – Вон специальная лопаточка.

Она стрельнула глазом на содержимое сковородки: дурачок, черный хлеб жарит!

– Лопаточка? – удивленно переспросил Арсений.

Настя снисходительно пояснила:

– Это специальная сковородка, с антипригарным покрытием. Экспортная. Тьфу, то есть импортная. Во-первых, на ней можно жарить без масла. А во-вторых, ножом ее царапать нельзя: защитный слой нарушится. Чтобы переверачивать – вон, деревянная лопатка.

Арсений смутился:

– Первый раз про такое слышу... У нас все сковородки обычные.

Настя перешла в наступление:

– И хлеб у нас никто на огне не обжаривает. Если хочешь, чтобы теплый был – вон, тостер включай и грей.

– Чего? Лобстер?

«Темнота!» – чуть не брякнула Настя. Но сдержалась. Дед все-таки просил, чтобы она к гостю подобрее была...

– Впрочем, ладно. Отчистим мы сковородку, пока бабушка не проснулась.

«А этот Арсений совсем на шестнадцать лет не выглядит. Вон какой высокий, и плечи мощные. В классе фуор производет. Если, конечно, оденется поприличней».

Настя уселась за стол и церемонно спросила:

– Хорошо вы... хорошо ты доехал?

– Нормально, – пожал плечами Арсений. – Только спать было жестко – матрасов на всех не хватило.

– Да ладно! – не поверила Настя. – Как это?

Арсений фыркнул:

– Это только в фирменных поездах кругом крахмал-марафет. А я в пассажирском ехал. И вообще в плацкарте. Ладно, все клево. Будешь мои гренки?

Настя с сомнением посмотрела на кусочки пригоревшего хлеба.

– Вкусные! – заверил Арсений. – С солью, с перчиком.

– Давай попробую, – неуверенно согласилась она. Открыла холодильник, достала плавленый сыр, батончик сервелата, вазочку с черной икрой.

– Ух ты! – изумился Арсений. – А я думал, это к празднику.

– Подумаешь, икра... – буркнула Настя.

Фраза прозвучала как-то фальшиво.

– А ты мидий когда-нибудь пробовала? – спросил Арсений.

Настя удивилась:

– Мидий? Дедушка их только в Брюсселе ел.

– Что там в Брюсселе – не знаю, а у нас в Южнороссийске мидии классные, – заверил Арсений. – Костер на берегу разжигает. Потом ловишь их – и сразу в котелок, пока еще живые.

– Фу, гадость, – сморщилась Настя.

– Не гадость, а высший сорт. Не хуже моих гренков, – скромно сказал Арсений, подвигая к Насте стопочку пережаренного хлебца. – Да не мажь ты сыром, они и так вкусные!

Настя осторожно откусила кусочек. А ведь не наврал! Хлеб во рту так и тает, и перчинки приятно покалывают язык.

– Молодец, – искренне похвалила она. – Научишь меня такие делать?

– Нет, – вздохнул Арсений. – Больше таких гренков не получится. Видишь – хлеб-то не покупной, а самодельный. Мне бабушка в дорогу испекла.

– Хлеб? Сама испекла? – не поверила Настя.

– А что тут такого? Она еще в войну научилась. Из чего угодно может испечь: хоть из отрубей, хоть из кукурузы.

– Вот вы интересно живете, – улыбнулась Настя. – Мидий едите, хлеб печете.

– Вы тоже не скучаете, – не остался в долгу Арсений. – Сковородки не пригорающие, тостеры... А колонка у вас где?

– Какая еще колонка? – не поняла Настя.

– Ну, воду греть. Мне ж помыться с дороги надо.

Настя хмыкнула:

– У нас центральное водоснабжение. Кран открывай и мойся. А ты что, в школу сегодня не пойдешь?

– Думаешь, надо? – скривился Арсений. – Я покемарить хотел, в поезде не выспался... Да и Ильич мне ничего про школу не говорил. Наверно, не оформил меня еще...

– Во-первых, не Ильич, а Егор Ильич, – поправила фамильярного гостя Настя. – Дед терпеть не может, когда его Ильичом называют. Хватит, говорит, с нас одного Ильича. Даже двух. А во-вторых... В школу ты, конечно, можешь не идти. Только смотри – у нас через неделю городуша по алгебре.

– Городуша?

– Городская контрольная.

– Прикольнo, – оценил Арсений. – У нас такого слова нет. Только алгебра меня не колышет. Я ее как орех щелкаю.

– Раньше были рюмочки, а теперь бокалы. Раньше были мальчики, а теперь нахалы, – задумчиво процитировала Настя из школьного фольклора. – Ладно, не хочешь – не ходи. А в четыре сегодня – английский. В смысле, у репетитора. Тоже не пойдешь?

– Не, идти придется. Егор Ильич мне сказал, что надо, – вздохнул гость. – И тестами какими-то пугал... Тест – это вроде контрольной?

– Ха, контрольная! Гораздо хуже. Сам увидишь. Будет тебе испытание для настоящих мушкетеров, – припугнула Настя.

– Ну, а чем я не Д'Артаньян? – самоуверенно хмыкнул Арсений.

– Ну-ну, – покачала головой Настя. Она до сих пор с дрожью вспоминала вступительный мини-экзамен, который ей устроила англичанка. Но детали Арсению рассказывать не стала. Будет ему сюрприз...

АРСЕНИЙ

Хуже бабки никого и придумать нельзя. Цеплялась к нему все утро: и в прихожей он наследил, и туалетную бумагу в унитаз выбросил, хотя для нее специальное ведерко в туалете есть. Вот гримза! Ладно, пусть он и не особо званый, но все-таки гость. Егор Ильич ему так и сказал: «Чувствуй себя как дома». Да и Настя к нему нормально отнеслась. Выпендривалась, конечно, но поглядывала с интересом. А вот бабку, Галину Борисовну, приручить пока не получалось... Сения пять часов сиднем просидел в комнате, чтобы лишний раз не наткнуться на старую ведьму. В Южнороссийск позвонить, сказать своим, что добрался, тоже не решился.

На новом месте, на новых накрахмаленных простынях не спалось. Сения вертелся, вставал, подходил к окну, снова вертелся и еле дождался, пока Настя вернется из школы.

Слышал из своей комнаты, как хлопнула входная дверь, как из прихожей зашелестел возмущенный шепот: видно, бабка на него тут же принялась ябедничать.

– Да ладно тебе, бабуль! – донесся Настин голос. – Это шофер натоптал. У него ботинки рифленые. А бумагу я тоже в унитаз бросаю.

Девушка заглянула в Сенину комнату:

– Не спишь... шаланда с кефалью? Пойдем обедать. Нам выходить через полчаса.

Настины глаза смотрели насмешливо, но не зло, и у Сени сразу потеплело на душе.

К обеду он переоделся: самоновейшие джинсы «Левис» (все лето на них зарабатывал, каждые пять рублей тут же менял на боны для «Альбатроса») и индийская ковбойка (не

особо фирменная, зато, бабушка говорила, ему очень идет). Но Настя только мельком взглянула на его моднейший наряд и ничего не сказала.

С обедом справились быстро (бабка, к счастью, из своей комнаты не показывалась). Сеня, науськанный своими родичами, взялся было мыть посуду, но Настя округлила глаза:

– Обалдел? Оставь. Пошли быстрее, мы опаздываем!

Видно было, что она нервничает.

– Урок, что ли, не выучила? – поинтересовался Сеня по дороге.

Настя неуверенно ответила:

– Да вроде учила... Только на Вячеславовну – никогда не угодишь. Ну, сам увидишь.

Преподавательница английского проживала поблизости.

«Малая Бронная улица», – прочитал Сеня на табличке. Дом оказался еще солиднее, чем у Капитоновых: в холле имелись не только зеркала, но и кресла, а также парочка пальм в кадучках.

– Как у вас в Москве только не раскурочивают эти пальмы?

– Вон, видишь, будочка? Там милиционер сидит, настоящий.

Лифт – тоже, зараза, с зеркалами – бесшумно вознес их на седьмой этаж. Настя глубоко вздохнула и позвонила в богатую, обшитую деревом дверь. Сеня скромно держался за ее спиной. Отчего-то ему передалось Настино беспокойство.

Дверь распахнулась. Но на пороге Сеня увидел не англичанку. Их встречал парень: высокий, тонкогубый. Гораздо старше Сени: лет, наверно, двадцати. Он с ухмылочкой стрельнул взглядом в Настю. Перевел глаза на Арсения и совсем уж расплылся:

– А вот и наш провинциальный гость. Алоизий, если не ошибаюсь?

– Привет, Жень, – проговорила Настя. – Ну чего ты ко всем цепляешься?

– Цыц, крошка! – весело заткнул ее Жень. И снова обратился к Арсению: – Кухарка сказала, в Елисеевском даже вареной колбасы нет. Это вы там ее уже всю скупили?

От такого приема Сеня на секунду опешил. А потом сжал кулаки, отступил на шаг...

– Сеня, Сеня, – сжала его руку Настя.

В коридоре между тем появилась преподавательница. Властно сказала:

– Кыш отсюда, Эжен... Don't rasp on my nerves... Good afternoon, Nastya. Hi, Senya. Come in¹.

Недорезанный Эжен-Жень послушно исчез в недрах квартиры. На прощание окинул Сеню ледяным взглядом. «Вот и первый столичный враг, – быстро подумал Арсений. – Интересно, что я ему сделал?»

Но мысли тут же перекинулись на англичанку. Ну и произношение у нее – с их школьной учителькой не сравнить! Как настоящая интуристка говорит. «Чуть побыстрее – и я ничего не разберу».

Они прошли в комнату, расселись. Сеня мимолетно отметил: в Южнороссийске он ничего подобного даже не видел. Ладно, огромный телевизор и даже видик. И угрожающий массивный магнитофон с отдельно стоящими колонками. И бронзовые лампы – будто из романов Агаты Кристи. Но целая стена англоязычных книг! Штук тысяча, не меньше. Где, интересно, англичанка их достала? (Сеня стрельнул глазом по обложкам – большинство авторов были ему неизвестны.) «Сейчас как даст мне какого-нибудь Шекспира на перевод – тут я поплыву».

Но мучить его Шекспиром англичанка не стала. Вместо этого протянула отпечатанный на машинке текст. Попросила:

– Read and translate. You have half an hour².

¹ Ты действуешь мне на нервы. Здравствуй, Настя. Привет, Сеня. Проходите (англ.).

² Прочти и переведи. У тебя полчаса (англ.).

А сама между тем заговорила с Настей. Принялась гонять ее по самому сложному времени perfect continuous. Сеня с удовольствием отметил, что он бы отвечал лучше. Впрочем, едва он начал вникать в собственное задание, радость его быстро улетучилась. Один заголовок чего стоил – Сеня в него минут пять врубался: «Особенности полиграфического решения проблемных журналистских материалов». Дальше не легче. Какие-то шрифты, кегли, лиды... пес его знает, кто они такие, эти лиды. «Наверно, от слов «лидер, лидировать», – лихорадочно думал Сеня. – А что это может быть в контексте? Заголовок? Ведущий публицист? Лучшее место на полосе? Нет, похоже, что-то другое. Наверно, ударное начало статьи. Точно – зацепка. Интригующая вводка, специально выделенная жирным шрифтом... М-да, вот это текстик...»

Полчаса истекли незаметно. Сеня едва успел перевалить за половину задания.

– And now – lets concentrate on you, Senya³, – обратилась к нему репетиторша.

Настя, заметил Сеня, не удержалась от облегченного вздоха. И уставилась на него: заинтересованным, испытующим взглядом.

– Just translate it into the Russian⁴, – попросила преподавательница.

«Ну, была не была. Главное – не молчать». Сеня глубоко вздохнул:

– Итак, особенности полиграфического решения проблемных журналистских материалов... Даже самый гениальный текст меркнет, если напечатать его в страшной дыре, мелким шрифтом в глубине полосы...

– Что-что? – перебила его учительница. – Ты сказал – «в страшной дыре»?

– Ну да. В страшной дыре, у черта на рогах.

Настя фыркнула. «Что-то не то я несу», – мелькнуло у Сени. Но репетиторша неожиданно улыбнулась:

– Очень интересный образ... Please, go on.

Ободренный, Сеня пошел дальше:

– Но даже если материал публикуется в удачном, выигрышном месте – нельзя забывать об особой верстке. Броский заголовок, выделенный жирным шрифтом лид...

– Переведите это слово на русский, – испытующе уставилась на него преподавательница.

– Ну, зачин. Вводка. Ударное начало.

Училка кивнула. Настя посмотрела на него уважительно. Дальше дела, правда, пошли хуже. А со второй половины текста Сеня и вовсе «поплыл». Репетиторша сначала поправляла, потом – остановила:

– Ладно, достаточно. Конечно, это твердая двойка. Но потенциал – есть. Дальше...

Учительница встала, подошла к видеомagneтофону. Настя украдкой шепнула Сене:

– Не расстраивайся. Мне она в первый раз твердый кол поставила.

Сеня благодарно улыбнулся девушке. Репетиторша между тем сказала:

– А сейчас, Арсений, у тебя будет задание поинтересней.

Она щелкнула кнопкой пульта. На экране заскользили английские титры. Фильм, судя по всему, боевичок.

– Translate, please, – хладнокровно попросила преподавательница.

Сеня ошарашенно произнес:

– Вот это да!

– Come on, – от репетиторши пахнуло ледяным холодом.

³ А теперь займемся тобой, Сеня (англ.).

⁴ Переведи это на русский (англ.).

Прошли титры, на экране появились люди. Судя по узким глазам – китайцы. Толпа желтолицых стояла в баре и что-то горячо обсуждала. Сеня уловил слова «Сянь Минь, драться, проиграть». Проговорил подрагивающим голосом:

– Да сроду Сянь Миню нельзя с ним драться. Железно – проиграет.

Китайцы продолжали тарыхтеть по-английски. Кажется, опять принижали неведомого Сянь Миня. Сеня затараторил:

– Сянь Минь – натуральный дохляк. Мешок с костями. Ему только с лилипутами драться, а он рвется на настоящий поединок.

Настя смотрела на Сеню большими глазами. Кажется, она думала, что он и правда в точности переводит все с экрана. Репетиторша обнадеживающе молчала.

Китайцы исчезли. Камера показала бескрайние рисовые поля, зазвучала визгливая песня – явно не на английском. Сеня, воодушевленный, ляпнул:

– Краткое содержание песни. Широка страна моя родная, мой великий и загадочный Китай.

Настя подскочила на стуле. А репетиторша захохотала. Щелкнула пультом, остановила кассету. Выдавила сквозь смех:

– Fantastic!

Сеня растерянно хлопал глазами. Неужели он и правда все угадал? И правильно перевел?

– Такую чушь нести! И с таким серьезным видом! – продолжала хохотать репетиторша. Дверь в комнату скрипнула. На пороге возник давешний противный Евгений.

– У тебя все в порядке, мама?

– Спасибо, Эжен... Все хорошо. Просто Арсений меня насмешил.

И Сеня съежился под полным презрения Жениным взглядом.

Десять месяцев спустя

Июль 1983 года

Ровно в одиннадцать вечера *старуха Шапокляк* (так Сеня называл про себя Настину бабу) проследовала в комнату внучки. Она торжественно несла серебряный поднос. На подносе – чашка чаю и голубая таблетка – видно, снотворное.

Да, накануне вступительного сочинения *ее высочество* Настю обслуживали по высшему классу.

Мать мазала ей бутерброды черной икрой, говорила: «При умственных нагрузках очень важна ударная доза протеина!» Егор Ильич, растеряв начальственный лоск, хлопал над Настенькой крыльями, щупал ей лобик, гладил по головке... А бабка самолично распикивала по специальным карманчикам в Настиной юбке сочинения-«шпоры».

На Сеню никто внимания не обращал. Только Егор Ильич пожал ему руку и напутствовал:

– Ну, Арсений, не подведи.

Сеня очень надеялся, что не подведет.

Он тоже ушел к себе. Хорошо бы поскорее уснуть! Да, снотворное бы и ему не помешало... Заснуть не получалось. В голове вертелись то странички из конспекта Белинского, то массивные, вы зубренные на зубок цитаты из Грибоедова и Тургенева... «Я-все-помню! – внушал себе Сеня. – Мне надо расслабиться!»

Но расслабиться не получалось. Тело вроде отдыхает, а мозг – работает. Вдруг ясно, как наяву, всплывает лицо его родного деда. Дед смотрит на Сеню – задумчиво, испытующе... И тот выныривает из полузабытья и шепчет, будто дед сидит рядом: «Не дрейфь! Я поступлю»

И дед ласково кивает, растворяется в полумраке... Но едва Сеня снова начал засыпать, как на него навалился по-настоящему страшный сон: огромная, жирная, ехидная *запятая*.

Этот кошмар преследовал Сеню весь год. С тех пор, как Вилена, их репетитор по русскому, сказала: «Запомните: одна неверная запятая – минус один балл. Две запятые – минус два балла. И никакие апелляции не помогут».

А Настя после того урока сообщила:

– Знаешь, что я слышала? Они эти запятые специально расставляют – там, где не нужно.

– Кто расставляет? Зачем? – не понял Сеня.

– Приемная комиссия ставит лишние запятые, – терпеливо объяснила Настя. – Ну, когда много хороших сочинений, а квоты уже выбраны.

С того дня к Сене и прицепился этот кошмар. Запятая являлась ему то в виде крошечной закорючки, то в виде огромного, извивающегося питона. Обвивала вокруг шеи, душила, высасывала силы и кровь...

И чем ближе к экзаменам, тем чаще кошмар повторялся. А сегодня, накануне сочинения, он просто его изводил.

«Нет уж, лучше совсем не спать», – решил Сеня.

Выбрался из кровати. Подошел к окну, откинул штору. Четыре утра. *Утра, когда он пишет сочинение в МГУ.*

Ни дворников, ни трамваев. Наливается полоска рассвета. Сеня понаблюдал, как на соседнем подоконнике просыпается воробей. Вот птица вынула голову из-под крыла... встряхнулась, осмотрелась наглыми глазками... громко чирикнула...

«Тебе сегодня сочинения не писать», – позавидовал Сеня беззаботному воробью.

Нет, до восьми, когда проснется Настя, он не вытерпит. Да и не хочется ему сегодня видеть *барыню Настю*. А пуще того – смотреть, как бабка Шапокляк тащит в ее комнату кофе на растреклятом фамильном подносе.

Сеня неслышно прокрался в ванную – он уже изучил скрипучие места на коридорном паркете и никогда на них не наступал. Принял душ. Оделся – костюм самолично отгладил еще накануне. Греметь кофейником не стал. Взял паспорт, экзаменационный лист, две ручки с необычными фиолетовыми чернилами (специально искал – попробуй подбери такой же цвет, чтоб фальшивую запятую подставить!) и тихо покинул квартиру на Большой Бронной.

«...Хорошо, что я ушел, – думал Сеня, шагая к Пушкинской. – И хорошо, что жизнь с Капитоновыми заканчивается. Поступлю не поступлю – только бы драпануть отсюда куда подальше». Надоели они до смерти – все. Суровый Егор Ильич, шапоклячка-бабка, ледяная Настина мамашка... Да и сама Настя тоже хороша. Вчера весь вечер его изводила.

...Они возвращались с последнего занятия по литературе. Вилена устроила им беспощадный прогон по цитатам, датам и именам-отчествам. Темп репетиторша задала такой, что даже Сеня путался, а бедная Настя откровенно «плавала».

– Да... не Ломоносовы, – припечатала репетиторша на прощанье.

Сеня еле дождался, пока захлопнется дверь, – и сплюнул на отдраенный пол академического дома. Настя посмотрела на него укоризненно. Сеня вздохнул, растер плевков подошвой. Интеллигенты!

– Завалю сочинение, – всхлипнула Настя, когда они вышли из Вилениного подъезда.

Сеня хотел сказать, что у Вилены просто такая манера, чтобы ученики не расслаблялись... но Настя и слова вымолвить не дала. Проговорила завистливо:

– У тебя-то память хорошая... Все цитаты запоминаешь. И пишешь лучше меня.

– Брось, все ништяк, – как мог беззаботно ответил Сеня.

Настя прошипела:

– Я тебе сколько раз говорила – ненавижу это слово: «*ништяк*»! Надоело уже просить!

«А как уж ты мне надоела! Со своим-то вечным нытьем!» – подумал Сеня. Отвернулся от Насти и замолчал. Так, не глядя друг на друга, и дошли до дома.

У подъезда встретили Милу.

– Трясешься, зайчишки? – весело спросила Настина подруга.

Что Милке не веселиться – ей до экзаменов еще три недели, в Плешку вступительные только в августе.

– Трясемся, – вздохнула Настя.

И виновато взглянула на Сеню: извини, мол, что я на тебя огрызалась. Всегда она так – сначала обидит, а потом переживает, подлизывается... Нет уж, Настя! Сеня улыбнулся Милке:

– Вот еще, трястись! Что мне этот МГУ? Не пройду – с тобой в Плешку поступать буду. Возьмешь... в обойму?

– Тебя, Сенечка, возьму куда угодно, – радостно заверила Милка.

А Настя посмотрела на Сеню (в его голове послушно вспыхнула цитата из «Героя нашего времени»: «...ее большие глаза, исполненные неизъяснимой грусти, казалось, искали в моих что-нибудь похожее на надежду»), решительно дернула плечом и вошла в подъезд.

– Что это с ней? – удивилась подруга.

– Психует, – отмахнулся Сеня. – Давай, что ли, курнем?

Они отошли подальше от капитоновских окон, выкурили по сигаретке «Космос», поболтали. Милка явно старалась его веселить, пыталась рассказывать анекдоты, но, судя по ее озадаченному лицу, смеялся Сеня вовсе не там, где нужно.

– Ладно, не до смеха, – вздохнул он. – Пойду.

– Ни пуха ни пера! – пожелала Мила.

Арсений девушек к черту не посылал. Попросил:

– Ругай меня завтра, Милок. Кляни последними словами.

Больше всего ему сейчас хотелось забиться в угол, и чтобы никто, никто его не трогал.

Но дома – дома у Капитоновых – Сеня покоя не нашел. Настя весь вечер ходила взвинченная. Цеплялась к нему, требовала какие-то свои конспекты. Включала на полную громкость ненавистный «Миллион алых роз». Спасибо Ильичу – накапал ей лошадиную порцию валерьянки.

Сеня еле дождался, пока мать отведет Настю спать. Он не сердился на девушку: понятно ведь, что не со зла бросается, а от нервов. Но когда у самого на душе кошки скребут – только чужих истерик и не хватает...

Так что лучше уж прийти на сочинение одному, без Насти, а то будет изводить его всю дорогу до универа.

...Сеня упоенно вдыхал запахи московского утра, слушал, как шуршат вековые липы. Да, Москва – хороша, но только по утрам, когда вокруг – ни людей, ни машин.

«Не поступлю, и ладно, – настраивал он себя. – Вернусь домой, поцелую бабулю, обниму деда. И пойдем мы с ним на рыбалку – далеко пойдем, до самого Геленджика...»

Сеня покружил по кривеньким московским переулкам и вышел к Пушкину. Охранявший поэта милиционер посмотрел на Сеню удивленно, сделал движение навстречу: документы, что ли, проверять будет?

– Сочинение сегодня. Не спится... – отчитался Сеня.

– А, абитура, – мент тут же потерял к нему интерес.

«Метро уже открылось. Прокачусь-ка я до Кузнецкого... – решил Сеня. – В пирожковую. Она с семи вроде начинает работать. Кофе, конечно, там гадкий, с молоком, – но зато никакая бабка Шапокляк волком смотреть не будет!»

* * *

Только в пирожковой, дымной от подгоревшей выпечки, Сене удалось наконец прийти в себя. Он выпросил у толстой подавальщицы настоящего, не испорченного молоком кофе.

– Сочинение сегодня пишу, – жалобно обратился он к тетеньке. – Всю ночь не спал... Волнуюсь.

Магическое слово «абитура», кажется, действовало даже на грозных работников сервиса.

– Живи, птенчик, – разрешила ему толстуха.

И щедро бухнула в мутный стакан целых три ложки кофейного порошка.

Пирог ему тоже достались самые лучшие: с капустой. Сенья сидел у грязного окна, вгрызаясь в свежайшую выпечку, экономно, по глотку, цедил кофе и совсем не думал об экзамене. Вспоминал море, деда, моторку, бывших одноклассников... Очнулся только в девять – во время как пролетело! Вроде всю ночь готовился и все равно – опаздывает!

Сенья вскочил.

– Ни пуха ни пера тебе, парень! – ласково громыкнула вслед подавальщица.

В аудиторию, где писали сочинение, он влетел последним.

– Почти опоздали, Арсений Игоревич, – попеняла ему узкогубая тетка, проверявшая документы. – Еще три минуты – и не пустила бы.

«Ах ты, гестаповка!» Сенья промолчал. Тетка оглядела аудиторию:

– Вон за ту парту. В третьем ряду.

Как тут все серьезно! Он-то думал, что народ рассаживается как хочет. Ну и ладно, ему же спокойней – Настька ныть в ухо не будет.

Настя оказалась неподалеку – в том же ряду, шестая. Сенья мимолетно взглянул на нее: бледная, под глазами – тени, губы дрожат. Снотворное (или что там ей бабка дала?), очевидно, не помогло.

Не прошло и пяти минут, как в аудиторию торжественно вплыл декан. Разорвал конвертик, огласил темы... Ничего страшного. Лермонтов, Достоевский, Горький и свободная: «За что я люблю свой край». Эх, написать бы ее! Про Южнороссийск, про море, про настоящих друзей! Но репетиторша, Вилена, строго предупредила: «За свободную тему братья не смейте. Выше тройки не поставят. Считается, что ее пишут те, кто не знает литературы».

Дурацкие правила. Но что поделаешь, если здесь по таким играют.

Сенья решил остановиться на Достоевском. Выбрал Федора Михайловича из чисто практических соображений: больше всего цитат помнил. И критику – тоже. Да и Вилена упоминала, что за «Преступление и наказание» абитуриенты берутся редко – так что будет приемной комиссии приятное разнообразие.

Сенья быстро, минут за двадцать, настроил план... Просмотрел: логично, полно, солидно... Будто и не было бессонной ночи. Не иначе, кофе в пирожковой оказался волшебным. Что ж, пора приступать. Он потер руки, подул на ладони... Интересно, а у Настены как дела?

Сенья обернулся. Настя, ссутулясь, сидела на своем месте. Глаза – блестят слезами, губы прыгают. И – ни единой строчки. Чистый лист бумаги.

– Настя! – одними губами произнес Сенья.

Она услышала, вскинула на него жалобный взгляд. Так же неслышно ответила:

– Не могу! Не помню!

К его парте уже спешил надсмотрщик-старшекурсник. Сенья паинькой склонился над своим сочинением. «Да что мне Настя? Она и так выкрутится. У нее вон – вся юбка в шпорах. Бабка специальные карманы под оборки пришила».

Сеня бодро написал вступление. Нужная цитата из самого Бахтина всплыла перед глазами четко, страничкой из книги. Сеня даже шрифт и переносы увидел.

Ладно, приступаем к раскрытию темы. Но прежде – он снова взглянул на Настю. И снова увидел абсолютно чистый лист бумаги. И – дорожки слез на ее щеках. Вот дура-то, прости господи! Она же все знает не хуже его! Просто мозги со страху заколодило. Ну и что, так и будет до конца сочинения сидеть?

Придется спасать. Сеня дождался, пока жандармы-старшекурсники отвлеклись: какой-то дурачок додумался достать шпору. Пока происходило ее торжественное изъятие и выведение наглеца из аудитории, Сеня выронил лист бумаги. Лист спланировал как раз к Насте – зря, что ли, в детстве самолетики с балкона пускал? Сеня пошел подбирать и прошипел:

– Просись в туалет. В кабинке доставай шпору и читай. Все сразу вспомнишь. Поняла?

– Молодой человек, в чем дело? – К нему уже спешила строгоглазая наблюдательница – та самая, что проверяла документы на входе в аудиторию.

– Ни в чем. Бумажку уронил.

– Постойте, не садитесь...

Тетка заглянула в Сенину парту, просветила взглядом его костюм, приказала:

– Снимите пиджак.

Сеня вспыхнул. На языке завертелась грубость. Абитуриенты смотрели с интересом. Кажется, они жаждали крови.

Тетка явно наслаждалась своей властью. «Ладно, властвуй... до поры!» Сеня молча снял пиджак, продемонстрировал подкладку, рукава.

– Садитесь, – неохотно разрешила гестаповка.

«Что, съела?» – внутренне усмехнулся Сеня. Все, теперь за работу. Краем глаза он видел, как Настя, под конвоем двух студентов, идет в туалет. И – как минут через десять возвращается: радостная, с просветленным лицом. И ее лист бумаги начинает покрываться знакомым бисерным почерком... «Ожила, слабачка», – порадовался Сеня. И забыл про нее – думал только о том, как раскрыть тему. И не вогнать куда-нибудь лишнюю хищницу – запятую.

* * *

Преподавательница английского позвонила Капитоновым в тот же вечер, сразу после сочинения. Разговаривал с ней сам Егор Ильич.

– Урок? Прямо завтра? Да пусть отдохнут! Лица на обоих нет.

Англичанка, кажется, начала возражать, потому что дед долго слушал, потом сказал:

– Нечего им зря трястись, говорите? Тоже, в общем, разумно...

Положил трубку, сообщил Насте и Сене:

– Завтра в двенадцать у вас сдвоенный урок, на три часа. Будете «входить в язык». Англичанка сказала, что нужно вас отвлечь – чтобы зря за оценку по сочинению не переживали. Все равно, говорит, ничего уже не изменишь...

То, что с его сочинением уже ничего не изменить, – Сеня не сомневался. Зато у Насти явно были дополнительные шансы.

После того как сочинения были сданы и народ потянулся прочь из аудитории, Сеня подсмотрел любопытную сценку.

Настя осталась за партой и на клочке бумаги торопливо написала: *«По словам И. Виноградова, «Герой нашего времени» – это первый философский русский роман, в котором судьба героя и становление его характера осмысляются в категориях «добра» и «зла», необходимости и свободы».*

Похоже, что это была первая фраза ее сочинения. Сеня незаметно, прячась за спинами возбужденных абитуриентов, пошел за Настькой и увидел: в коридоре к ней подошла женщина преподавательского вида. Настя сунула ей давешний клочок бумажки – и даже свою ручку.

«Простейшая комбинация, – оценил Сеня. – Сочинения – под шифрами. А Настькино теперь легко определить: по почерку и первой фразе. И авторучка теперь ее собственная – в руках нужного человека. Любую ошибку можно исправить... Да уж, честная игра. Честней не придумаешь».

Насте Сеня, разумеется, ничего не сказал. Всю дорогу к англичанке он слушал ее возбужденный лепет: «Представляешь, эти студенты со мной даже в туалет вошли! Спасибо, что в кабинку не потащились. Ну, а там я спокойненько достала шпору, быстро проглядела – и сразу все вспомнила!»

Настя благодарно посмотрела на Сеню и пробормотала:

– Спасибо, что подсказал в туалет попроситься... А то я так растерялась...

«Додумалась хоть поблагодарить», – беззлобно подумал Сеня.

...Вместо англичанки их снова встречал Эжен.

– Настенька! – явно обрадовался он. – Привет. Проходи, лапочка!

Сени будто не существовало.

– Ну, написала? Я тебя ругал. Последними словами. Весь день.

Женя принял у Насти шерстяную кофту, аккуратно повесил ее на плечики. На Сеню цыкнул:

– Куда ты свой лапсердак вешаешь?! Пальто мое помнешь.

«Английский сдам – точно ему морду набью», – решил Сеня.

Наконец в коридоре появилась англичанка. Велела сыну:

– Эжен, проводи Настю в гостиную. Поболтайте, выпейте кофе. Но говорить с ней – только по-английски, ясно? А ты, Сеня, иди со мной.

Они прошли в кабинет. Англичанка участливо посматривала на него.

– Что-то случилось? – как мог спокойно спросил по-английски Сеня.

– Произношение у тебя за этот год изменилось разительно, – похвалила репетиторша. – Даже твое ужасное «гэ» почти исчезло. Впрочем, ладно. Давай по-русски. Ты симпатичен мне, Сеня...

«Но на Настю не претендуй. Она – Эженова», – Арсений продолжил в уме ее мысль.

– Я не... – начал он.

– Не перебивай, – попросила англичанка. – Молчать умеешь? Ладно, верю – умеешь... Тогда слушай. Экзаменационные тексты уже утверждены. Тридцать билетов – тридцать текстов. Все они, в общем, простые, но есть в них подводные камни... Вот, держи. Все тридцать. Ксерокопии так себе, но разобрать можно.

Сеня от удивления аж дар речи потерял. Сидел, хлопал глазами. Англичанка, не дождавшись его реакции, продолжила:

– Каждый текст как следует проработай, разберись с грамматикой, со стилистикой, с устойчивыми конструкциями... Ты парень толковый – справишься.

– Разобраться, а потом Настю на них натаскать? – уточнил Сеня.

Взгляд англичанки затвердел:

– Я полагала, ты более догадлив. Видишь ли, конкретные экзаменационные тексты в стоимость моих уроков не входят... Но я же сказала – мне симпатичен и ты, и твои данные. И мне хотелось бы, чтоб ты тоже оказался на факультете. Я убедительно прошу тебя – никому эти тексты не показывать и никому, даже Насте, о них не говорить.

– Но как же она? Вы ведь сказали – там подводные камни. Настя сама с ними не справится!

Англичанка вздохнула:

– Ближе к экзамену ты, к сожалению, стал хуже соображать... С тобой мы больше заниматься не будем. Ни пуха тебе ни пера на экзамене. А Настю еще ждут четыре дополнительных занятия. По этим самым текстам – если уж тебе надо все объяснять.

– Спа... спасибо, – пролепетал Сеня. Кровь бросилось ему в лицо. – Но зачем? Зачем вы это делаете?

Репетиторша усмехнулась:

– Говорят, у нас – общество равных возможностей... Равных – для всех. Вот я их, эти возможности, и создаю.

...Четыре дня кряду Сеня закрывался в своей комнате и корпел над экзаменационными текстами. Англичанка оказалась права: с виду простые, тексты скрывали множество хитрых согласований времен и непереводаемых с ходу конструкций. Школьный учебник за десятый класс в сравнении с ними выглядел букварем.

Настя целыми днями пропадала у англичанки. Возвращалась усталая, бледная.

– Чем вы там занимаетесь? – невинно интересовался Сеня у девушки.

– Да так... грамматику повторяем, – опускала глаза Настя.

«Интересно, стыдно ли ей? Что она – учит экзаменационные тексты, а я вроде как ничего о них не знаю? Или воспринимает это как должное? Да нет, вроде стыдно. И проболтаться ее так и тянет. Но мать и бабка, видно, строго-настрого приказали, чтоб молчала, как партизанка... Интересно, что мне поставят за сочинение?.. Пятерок, говорят, почти не бывает. Так, одна на поток – на две тысячи абитуриентов. Хорошо бы получить четверку... А если тройбан? Тогда только на английский с обществоведением надежда, надо будет их на пятерки вытягивать».

Сеня гнал от себя бесполезные раздумья, снова и снова возвращался к экзаменационным текстам. И все отчетливее понимал: взялся бы за них с налету, прямо на экзамене, – обязательно бы напортачил.

«Завалил бы я язык, если б не англичанка, – благодарно думал Сеня. – Интересно, с чего это она меня пожалела? Ну и ладно, пожалела – и пожалела. Если поступлю – подарю ей огромный букет. Пятьдесят одну розу. Дед как раз мне денег подослал...»

– Ты поедешь со мной оценки смотреть? – ластилась к нему Настя. – А то боюсь, что в обморок упаду.

– Да не жмись! Все у тебя ништяк, – привычно утешил ее Сеня. Встретил ее сердитый взгляд и поправился: – Ладно-ладно, все у тебя фартово!

...Листы с оценками повесили на входе высоко – с земли и не увидишь. Нужно на бордюр забираться.

А снизу виден только частокол черных пятнышек – двойки. И целые рядки депрессивных синих троек.

Парни лезли на бордюр молча. Только бледнели, увидев оценку.

Девочки визжали и охали.

– У меня ноги дрожат, – пискнула Настя. – Я упаду...

Сеня подхватил ее под мышки, приподнял.

– Вижу! – возликовала Настя. – «Четыре»!

– Везет же! – зашелестела толпа.

Сеня уже успел рассмотреть: зеленые четверки редки, словно подснежники в истоптанном ближнем Подмоскovie.

Он осторожно опустил Настю на землю. Искренне сказал:

– Молодец! Поздравляю!

И наконец полез на бордюр сам. Увидел оценку. Не поверил глазам. Достал экзаменационный лист – сверять номер.

– Что? Что? Что у тебя? – прыгала вниз Настя.

– А-бал-деть, – выдохнул Сеня.

И закрыл лицо руками.

Сеня в тот год оказался единственным абитуриентом, кто сдал вступительные экзамены на все пятерки.

Настя получила, кроме четверки по сочинению, еще одну – по обществоведению, и тоже поступила – хватило полупроходного балла.

Дед на радостях подарил ей норковую шубу и путевку в Чехословакию.

А Сеня переплатил бешеные деньги за билет на поезд и уехал до самого первого сентября в Южнороссийск.

Глава 3

Он ненавидел Капитоновых. О, как он их ненавидел!

Сытые, самодовольные, подлые номенклатуристки.

«Смирись. Не обращай внимания. Живи, будто их нет», – советовал ему разумный внутренний голос. Но другой голос говорил, что он никогда не сможет их забыть. Они всегда были перед глазами: старик – вальяжный, усмешливый, строгий. Его жена – вертлявая, со змеиным взглядом. Их дочка – истеричка в мехах. Царьки, императоры, полубоги. За что?! За что им все это? За какие заслуги – кирпичный дом, высокие потолки? Заграничные поездки? Полный холодильник продуктов – особых, «не для народа»?! А главное – за что им приоритет? Приоритет – всегда и во всем. За что? Почему?

Только такие, как Капитоновы, ценились. Оберегались. А все остальные – миллионы простых людей – не ставились и в грош. Быдло. Винтики. Ничтожества.

Однажды он стал свидетелем аварии: черная, такая же, как у Капитоновых, «Волга» с блатными номерами протаранила «жигуленок». Осколки, кровь, покореженное железо... В «волжанке» ехала очередная партийная шишка, в «жигуленке» – простая семья, скопившая на автомобиль годами жесткой экономии.

Примчалась «Скорая». Одна. Растерянный гаишник метался вокруг врачей: «В „Жигулях“ – девочка. Ей очень плохо!»

Девочку даже не осмотрели:

– Ждите. Будет еще машина.

«Скорая» забрала партийца из «Волги» (у того и повреждений никаких не было – так, пара царапин) и умчалась, оглашая окрестности сиреной.

Вторая машина прибыла только через двадцать минут. Девочка в «Жигулях» к тому времени уже умерла.

И после этого ему советуют «не обращать внимания»?

Не дожидетесь. Он отомстит им. Он сотрет с лица земли всю их породу.

Скоро. Очень скоро.

НАСТЯ

1983 год, декабрь

Первого сентября, когда Настя собиралась на первую в жизни лекцию, дед провозглашал:

– Ну, Анастасия... Теперь у тебя начинается интересная жизнь.

Но вот уже первый семестр заканчивался, а ничего интересного пока не происходило. И стоило ли так стремиться поступить на этот факультет?!

Настя снова проспала первую пару. И на вторую тоже не спешила. Валялась в постели, обложившись журналами «Семья и школа». Журналы – скучнейшие, сплошь кулинарные рецепты и советы, как изготовить детские поделки. Настя их и не читала – так, проглядывала. А мозги при этом кипели от всяких мыслей. Мысли – глупые и бессвязные. «Мещанские», – как говорит Сеня Челышев.

С какими брюками носить новую сиреневую кофточку? Как подкатиться к деду, чтобы достал билеты на «Юнону и Авось»? Стоит ли брать на ночь «Доктора Живаго» – чушь какая-то, когда книгу только на двенадцать часов дают, не успею прочесть, да и страшно: вдруг бабка или мать увидят? Разговоров не оберешься.

«Лучше о деле думай!» – ругала себя Настя. Но о делах думать не хотелось. Не очень-то они шли, эти дела... Зачем вот было первую пару прогуливать? Ведь лекция по античке... Посещаемость – ладно, подружки обещали отметить. Но античку сдавать надо. Совсем скоро, на первой сессии. Семьдесят вопросов учить, и гору литературы перечитывать. А Настя пока только Вергилия и осилила – редкостная скучища...

Женя-Эжен называет Настю диковинным словом: «перфекционистка». «Что тебе все нейдет? Татьяной Тэсс, конечно, не станешь. А статейки пописывать – большого ума не надо. Вставляй только вовремя: «Взвейся!» да «Развейся». И всех делов».

Эжен – сторонник патриархата. Уверяет Настю, что ей идут пассажирское место в машине, дорогие дубленки с опушкой и сапоги на шпильке. «Занимайся, Настенька, чем нравится, а на бирюльки тебе я сам заработаю». Женя давно намекает: дождемся, когда тебе восемнадцать стукнет – и под венец. Но венец – особенно с Эженом – тоже далеко не предел мечтаний.

Хотя кто спорит: приятно, когда он заезжает за ней в универ на новеньких синих «Жигулях»-«шестерке». Аль Бано и Рамину Пауэр по четырем колонкам слушать тоже приятно. Если бы Женя только слова песен не уродовал: «Пересчитай! Тебе недодали сорок копеек, пересчитай!» Совсем не смешно. А больше всего Настю бесило, что Эжен в ресторанах чаевые до копейки высчитывает. Да еще с таким важным видом: «По этикету полагается оставлять от пяти до десяти процентов. Но этот хмырь и на четыре процента не наработал».

Достает новенький калькулятор и отсчитывает ровно три процента от суммы. А официант посылает им на выходе снисходительно-насмешливый взгляд... Настя однажды сказала Жене высоколобую фразу – два дня ее обдумывала:

– Зря ты пытаешься насаждать западную культуру на российской почве!

А тот только расхохотался, чмокнул ее в щечку:

– До чего ж приятно иметь дело с умной девочкой!

А сама Настя и рада была бы не иметь с ним никаких дел. Но... Никакой достойной замены Эжену она пока не встретила.

Приезжие красавчики отпали сразу. И не только потому, что мать сказала: «Ты, Настя, с лимитчиками будь поосторожней...» Настя тут же, из духа противоречия, подружилась с Генкой из Камышина. И что? Генка – татарин, поступал по национальной квоте. Вступительные сдал на тройки. Одевается плохонько, живет в общежитии. Но Насте на его национальность, тройки и одежду – плевать, был бы человек интересный. Только мозг у Генки тоже на троечку работает. Большой театр обозвал мракобесием, Высоцкого – актеришкой и бездарным клоуном. А сам до сих пор не научился деепричастные обороты запятыми выделять.

Москвичи, спору нет, смотрятся приличней. Только и с ними у Насти пока не ладилось.

Подругам она снисходительно говорила: «Да ну, выбрать не из кого. Ассортимент скуден». И только самой себе – по страшному секрету – признавалась: симпатичных парней уже расхватили другие. И у Насти в сравнении с этими другими не было никаких шансов... Разве мальчикам нравятся пегие волосы? Нравится, когда девушки не умеют поддержать острый разговор? Нравится танец в «две ужимки, два прихлопа» – а по-другому Настя не умела? Хорошо хоть, с «упаковкой» у нее проблем нет: дед без звука достает все, что надо. И кроссовки, и джинсы, и дутую куртку, и итальянскую косметику «Пупа». Девочки из инженерных семей завидуют. А парням на ее одежки, кажется, наплевать.

Но более всего Настю беспокоила другая проблема. Старая проблема, еще из детства. У нее по-прежнему не обнаруживалось никаких талантов. Да, в университет она поступила. Собрала в кулак все силы и всю волю. Но, видно, свои ресурсы этим поступлением она исчерпала... Никаких склонностей у нее не обнаружилось и здесь. Не считать же за талант «добротные статьи»?

Или ей просто на факультете неинтересно? Античную литературу читать скучно, а уж заучивать здоровенные куски из Гомера, как требовалось к коллоквиуму... А чего стоят дурацкие реактивы на фотоделе? А второй иностранный язык – французский?! Там с одними временами – уже умрешь, для каждого глагола свои правила.

– Скучно мне учиться, – пожаловалась Настя деду после месяца учебы.

Тот среагировал мгновенно:

– Если скучно, переводись. Туда, где интересно. Например, в МИСИ. Возьмут мгновенно.

И разразился целой лекцией: о том, как важно найти дело своей жизни. (Мама, слушавшая деда вместе с Настей, потом прошипела: «Попробуй только из МГУ уйти. Забыла, чего нам всем это стоило?!»)

Настя иногда завидовала Сеньке Челышеву. Вот уж оптимист! Ходит в драных ботинках, живет в общежитии, стреляет по двадцать копеек до стипендии. И над античкой – как все, зевает, и зачет по фотоделу завалил: с препом поссорился. Но физиономия-то у него всегда довольная-а!..

* * *

Сеня балдел. Балдел от Москвы, от университета, от общежития. Если бы еще море здесь было... А то ездили в сентябре на подмосковные водохранилища: ну и убожество! Сплошной ил, до противоположного берега – рукой подать, и пахнет не солью, а болотом.

И в метро ему не нравилось. Сидят все какие-то каменные. Уткнутся в «Правду» и делают вид, что интересно. Красная площадь и улица Горького, конечно, впечатляли. Но гулять по ним, как по родной южнороссийской набережной, почему-то не хотелось.

А вот общежитие Сеню вполне устраивало, хотя другие кляли тесные комнатки, вонючие кухни и текущие ванны. Чего зря ныть? Все равно других вариантов нет и не предвидится. Хотя трех метров личного пространства, конечно, было маловато, и «самопроизвольный» (то горячая вода, то холодная) душ раздражал.

Раздражало еще, что вечно не хватало денег, а девчонки постоянно напрашивались в бар «Москва» и умильными глазками смотрели на ценник: «Коктейль «Шампань-коблер» – 80 копеек». Как откажешь? Да и самому Сене коктейль нравился – не то что тошнотворный общежитовский портвейн «Три семерки».

Стипуху по результатам вступительных экзаменов ему положили повышенную – шестьдесят рублей. Но даже младший научный сотрудник – и то сто двадцать рублей получает. А студенту ведь куда больше нужно, чем инженеру! И в кино, и в театр, и кроссовки, и сигареты, и девочек, опять же, прогулять...

Питанием Сеня не злоупотреблял. Покупал раз в неделю кусок «Российского» или «Костромского» – вот и готовы ужины, самые серые макароны сгодятся, если их как следует сыром засыпать. Хлеб с майонезом и колбаса (якобы «Докторская») тоже особо не разоряли. А вот походы в кафе «Оладьи» на улице Герцена постоянно высасывали деньги. Но пижонам-однокурсникам ведь не скажешь: «Не могу в «Оладьи» – капусты нет». Вот и приходилось крутиться.

Журналистикой пока зарабатывать не получалось, хотя Сеня посылал свои заметки и в «Огонек», и в «Ровесник», и в «Студенческий меридиан». Из всех изданий пришли вежливые письма. Подписаны различными литконсультантами, общий смысл такой: «Молодец, способности есть, но публиковаться тебе рановато, совершенствуй покуда перо».

Разгружать вагоны его тоже не взяли – конкуренция, бляха-муха... Велели позже приходить, когда мышцу накачает. И почтальоном устроиться не получилось – временная прописка подвела.

А фарцевать Сеня не захотел сам (хотя предлагали) – не по нему занятие. Вот и приходилось подрабатывать совсем уж «по-черному».

На первом поезде метро он выезжал куда-нибудь на окраину, на последнюю станцию метро: «Ждановскую», «Варшавскую», «Медведково»... Главное, подальше от общаги, чтобы свои не заметили. Надевал темные очки, расправлял огромную сумку – и с упорством партизана обыскивал местные питейные закусочки. Обследовал веранды в детских садах, детские площадки во дворах, школьные стадионы... Кто говорит, что все пустые бутылки алкоголики собирают – на опохмелку? Алкоголики с ранья спят. По крайней мере, утренние вылазки всегда приносили Сене не меньше трешки. А трюльника – и на кино хватит, и на олады с орехово-шоколадным соусом, и даже на «шампань-коблер» себе и девушке.

...Университетские девушки Сене нравились, но *с поправкой*. Среди них было много симпатичных, а некоторые – вообще красоты неземной, аж в дрожь бросало. Но очень уж все они – *advanced*, черт его знает, как это слово перевести на русский. Курят, как паровозы, пьют портвейн и пиво – и слова сказать не дают. То Камю цитируют, то Сэлинджера. А он еще на Настьку Капитонову злился, что та выпендривается! Да Настена в сравнении с ними – просто лапочка-Дюймовочка. Перекрасила бы свои пегие волосы – вообще конфетка была б.

С Настей Сеня перекидывался парой-тройкой фраз. Но пить кофе не звал. Нужен он ей со своим кофе, когда ее после занятий встречает Эжен, сын англичанки. В фирменном джинсовом костюмчике, да на синей новенькой «шестерке»! А Капитонова, царица Савская, триумфально грузится в машину под завистливыми взглядами прочих девчонок. «Нужна она мне, – думал Сеня. – Время еще на нее тратить... Да и что нового от нее можно услышать? Как здоровье у бабки Шапокляк? Спасибо, неинтересно».

Но выручать Настю Сеня продолжал – когда мог. Помогал с русским языком. По мере сил натаскивал ее по французскому. Объяснял, что, на его скромный взгляд, не ладится с ее журналистскими материалами: «Ты пишешь, будто тебя происходящее совершенно не касается. Будто стоишь у окна, смотришь на пейзаж, описываешь, а тебе на него, в общем-то, наплевать. И на людей, которые мимо проходят, и на машины, и на закат... А ты – ты во всем этом соучаствовать должна, поняла?...»

– Что же мне теперь – на завод идти? Наладчицей? – щетинилась Настя.

– Нет, конечно, – горячился Сеня. – Но ты должна поставить себя на место этой наладчицы. Представить, каково это: жить в общежитии и всю зиму ходить в осенних сапогах...

– Ладно, Аграновский, – буркала Настя. – Ерунду ты какую-то говоришь... Да еще с важным видом.

Но, может, он и говорил ерунду, а Настины статьи, как заметил Сеня, постепенно улучшились. Стали более живыми и «сопричастными».

«Я как Настькин старший брат, – усмешливо думал Сеня. – Помогаю «сестренке», подтягиваю. А она, по идее, должна за мной посуду мыть и мои старые вещи донашивать. Ну, в общагу, на посудомытие, ее не заманишь. А джинсов у нее и у самой полно – причем новых».

...Но заношенные почти до сквозных дыр «Левисы» (те самые, единственные, в которых Арсений прибыл из Южнороссийска) Настя попросила у Сени сама.

* * *

Под Новый год на факультете задумали устроить карнавал. Секретарь комитета комсомола предложил – сколько, сказал, можно одними капустниками да дискотеками обходиться?

На первом этаже повесили грозное объявление: «*Без карнавальных костюмов на новогодний вечер вход воспрещен*». И преподаватели немедля стали жаловаться на «упавшую дисциплину» – девчонки лекции напролет обсуждали, кто в каком наряде придет.

Безусловное лидерство захватили «принцессы». Самый простой вариант для первокурсниц. Берешь выпускное платье (обычно длинное и пышное). Нашиваешь на него пару пелеринок-оборков, клеишь из фольги корону – и готова принцесса. А еще можно у замужних сестер свадебное платье выпросить, раскрасить гуашью – и вообще получится даже не принцесса, а просто королева!

«Можно еще Пеппи Длинныйчулок нарядиться! И Арлекиншей! Или лисой Алисой!» – щебетали девчонки.

«Принцессы из меня уж точно не получится, – решила Настя. – Настоящей принцессе нужны царственная походка и надменность во взоре. Увы, не обладаем-с».

И она решила одеться Гаврошем. Или хиппи. Видела она этих хиппи на Калининском проспекте и в стеклянном кафе на улице Кирова, и очень ей их костюмчики показались...

Замысел свой Настя держала в тайне, а то на факультете народ ушлый, идею мигом сопрут.

Настя попросила у Арсения стертые до ниток джинсы. Прорвала пару потертостей до откровенных дырок. Излишек длины отчекрыжила ножницами – и подшивать срез не стала. Зато вышила штанины разноцветными цветочками. Специально наблюдала за редкими хиппарями. Подметила, что основные элементы их костюма чрезвычайно просты. Вязаную полосочку на лоб – так называемый хайратник – можно связать самой. Фенечки-браслеты из бисера тоже плетутся элементарно. А «ксивник», нагрудный пакет для паспорта, ей даже изготавливать не надо – дед недавно фирменный из Франции привез.

Костюм дополнили кеды, разбитые на школьных уроках физкультуры, и непонятного цвета футболка, которую Настя откопала на антресолях. Гаврош-хиппи был готов.

Бабушка чуть в обморок не упала:

– Настя? Ты что-о, с этими вырожденками... с хиппарями связалась?

– Нет, бабуль, – терпеливо отвечала Настя. – У нас на факультете костюмированный бал.

На разговор заглянула мама, скептически осмотрела наряд:

– Фу. Ничего другого придумать не могла? Хоть бы принцессой нарядилась – вон, выпускное платье в шкафу висит!

– У нас полкурса – принцессы.

– Вот они и найдут себе принцев, – постановила мама. – А ты стенку подпирать будешь. Смотри, хотя бы Женечке в таком виде не показывайся. И штаны с собой запасные возьми, а то в такой рванине и в милицию заберут.

В общем, «положительный настрой» был создан... и на факультет Настя ехала с большой опаской. Может, и правда все смеяться начнут?

Но хипповско-гаврошистый костюм имел бешеный успех. Принцессы-близнецы окружили Настю плотной толпой, разглядывали джинсы, щупали фенечки, просили примерить хайратник. Парни – все, как один, выраженные пиратами, – просили позволения засунуть руку в прорванные в джинсах дырки. А инспектор курса, одетый Ломоносовым, отозвал Настю в сторонку и строго сказал:

– Молодец, молодец, Капитонова... Я оценил. Но надеюсь, это просто шутка, и ты не перенесешь этот костюм в... м-м... обычную жизнь?

Настя, довольная оглушительным резонансом, ринулась в новогодний бал. Она загадала: если костюм пройдет «на ура» – значит, мечта ее сбудется.

Мечта заключалась в синеглазом Валерке со второго курса.

Валера нравился ей давно. Сначала Настя в него заочно влюбилась – прочитала его передовицу в факультетской газете. И ничего вроде особенного, просто мысли о визите в Россию американской школьницы Саманты Смит. Но почему-то прямо в глазах щипало, когда Настя читала *«об обычной девчонке – оказывается, такой же, как и мы все»*. А уж

когда ей этого Валеру девицы показали, Настя и вовсе «поплыла». Какие глаза – огромные, с грустинкой... Фигура даже лучше, чем у мускулистых дурачков из видика. Одна беда – вокруг него всегда плотный кокон поклонниц. Девицы как на подбор. Все высокие, длинноногие, блондинистые... Куда до них Насте!

«Но карнавальная ночь срывает все маски!» – весело подумала она.

...Валера нашелся на втором этаже, у перил мраморной лестницы. Подле него вилось несколько однотипных красоток – разумеется, одетых в костюмы принцесс. «До чего же они одинаковые, – снисходительно подумала Настя. – Будто из инкубатора. Из инкубатора пустоголово-толстогубых блондинок».

И Валера, и его принцессы посмотрели на нее с интересом. Настя расслышала реплику: «Костюмчик – обалдеть!»

«То-то, гражданки принцессы! Это вам не к выпускным платьям оборки пришивать. Прямо сейчас к нему подойти или все-таки белого танца дожидаться?»

Пока Настя раздумывала, к ней подскочил Арсений Чельшев. Одет он был, как все парни, пиратом. Но в отличие от прочих капитанов Бладов, ему пиратский костюм был к лицу. Тельняшка сидела как влитая, и видно было, что пятна мазута на ней не камуфляжные, а заработанные на утлых моторках, в честных схватках с морями-океанами.

– Привет, Гаврош! – радостно сказал Сеня. – Не могу сказать, что тебе идет эта рвань, но забавно. И с выдумкой.

– Настоящим журфаковцем стал, – отметила Настя.

– Это почему?

– Да потому. Только у нас так умеют – скажут, и не поймешь: похвалили тебя или обругали.

– Но тебе правда не очень-то идет этот стиль! – разгорячился Арсений. – Обноски какие-то... Я бы знаешь как тебя нарядил? Юнгой! Белые брючки, белая курточка, матроска с лентами... Хочешь, привезу тебе из Южнороссийска? У нас на рынке такой костюм купить можно. Шмоньковцы продают.

– Это еще кто? – фыркнула Настя.

– Пацаны из мореходного училища. Все, заметано! Только бы размер твой найти... Не знаю, есть ли у них такие маленькие.

– Ладно, модельер... вези, – милостиво разрешила Настя. Ее хорошее настроение сегодня никто не испортит! Даже Арсений со своими горе-комплиментами.

Настя с трудом дождалась, когда начнутся танцы. Пока шли быстрые, вместе со всеми топталась в кругу, пела в общем хоре: «Во-от! Новый по-во-рот! Что он нам не-сет? Пропасть или взлет?!»

«Машину времени» перебивали выкрики: «С Новым годом! Ура-а!» И Настя тоже вопила: «Happy new year!!!» А сама никак не могла дожидаться медляков. Нет, не будет она сегодня подпирать стенку! Мама, как обычно, ее принижает...

И точно, едва заиграл машино-временевский «Костер», к ней сквозь толпу пробился верный Арсений:

– Потанцуем, прекрасный Гаврош?

Эх, был бы на его месте Валера!

– Потанцуем... капитан Флинт.

Настя вполуха слушала Сенину болтовню. Задумавшись о своем, пару раз наступила ему на ногу – повезло Арсению, что кеды у нее мягкие.

Но вот наконец и белый танец объявили.

К Сене тут же подскочила вертлявая Наташка (очередная принцесса):

– Позвольте, господин пират?

Польщенный Сеня кивнул Насте и заскользил в Наташкиных объятиях. Настя подняла глаза и увидела, что она стоит как раз рядом с Валерой и его длинноногими поклонницами.

«Карнавальная ночь срывает все маски!» – повторила про себя Настя.

И улыбнулась своему принцу:

– Потанцуем?

Валерины принцессы приняли напряженные позы. А сам Валера мазнул по ней равнодушным взглядом. Настя с ужасом увидела: глаза его – мутные, зрачки – крошечные. Пьяный? Или того хуже – под наркотиками?!

Но отступать было некуда.

– Ну, потанцуем? – дрогнувшим голосом повторила она.

– Отвали, замарашка, – небрежно процедил Валера.

И отвернулся от нее к своим принцессам.

* * *

Настя не помнила, как очутилась на первом этаже, в туалете. Как срывала с себя ненавистные хипповские фенечки. Как топила в унитазе мерзкий хайратник. Ей еле удалось выбраться из драных джинсов – руки дрожали, ноги подкашивались. Голову разрывало: «Ненавижу! Гад! Сволочь!» Перед глазами стояло равнодушное лицо Валеры и снисходительно-сочувственные взгляды его прихлебательниц.

Настя натянула черные брючки и свитер – спасибо бабке, все-таки сунула ей в рюкзачок нормальную одежду... Вышла из кабинки. Долго полоскала лицо ледяной водой. Волосы мокли, холодные струи текли за шиворот. «Простужусь. Воспаление легких. Потом туберкулез. И хорошо. Хорошо! Умереть, покончить со всем! И никого из них больше никогда не видеть!»

Ненавижу их всех: и маму с бабушкой – вот ведь накаркали про ее карнавальный костюм! И Сеньку-пирата ненавижу – он тоже ее рванью назвал. А особенно мерзкого Валеру с его пустыми глазами. «Да я... Да я все деду скажу! Он ему устроит! Дед что угодно может! Его скоро в ЦК выберут! Он этому Валере такое устроит! Эта скотина вообще из университета вылетит!»

Настя почувствовала, что на глазах снова проступают только что смытые слезы. Нет, надо бежать, пока в туалет никто не пришел. Куда вот только – бежать? Ладно, главное – отсюда. Прочь с поганого факультета.

Настя вышла из туалета, пробилась сквозь толпу ряженных и вышла в морозный вечер.

У памятника Ломоносову однокурсники давили водочку.

– Настька! Дуй к нам! Мишка «андроповку» наливает!

Настя никогда раньше не пила водки. Ну вот, как раз самое время начать! Она решительным шагом приблизилась к памятнику:

– Наливайте!

– Эх, хватила! – заржали однокурсники. – Куда наливать-то? Хлещи, как все – из горла.

Из горла так из горла. Настя сделала щедрый, на полный рот, глоток. Неужели она сможет эту дрянь проглотить?.. Но проглотила, закашлялась, прикрыла рот ладонью... Ну и дрянь!

– Что, пробирает? Еще хлебнешь? – веселились однокурсники.

– Н-нет... Спасибо, ребят... Мне идти надо.

– Куда? Карнавал же!

– Да у мамы в министерстве концерт, – соврала Настя первое, что пришло в голову. – Просила быть...

– Ну, тогда иди. Да не забудь там водочку отлакировать, – заржали сокурсники.

Настя с облегчением покинула факультетский двор. На улице – темень, редкие фонари светят еле-еле, и только звезды на кремлевских башнях горят ярко, будто налиты свежей кровью.

«Куда же идти? Только не домой! Начнется там: а что так рано? А почему грустная? Костюм не оценили? А мы ведь тебя предупреждали!»

Водка мягко плескалась в желудке, притупляла обиды... И хотелось сотворить что-нибудь необычное. Из серии: «Ну уж от Капитоновой мы такого не ожидали». Например, поехать на улицу Кирова, найти там хипов и потребовать: «Принимайте в свою компанию». Нет, страшно. Да и хипы в Москве редки, а по такому морозу, наверно, и вовсе по флэтам расползлись. Может, сесть на поезд и уехать в другой город? Скажем, в Питер? Да у нее с собой денег – только десятка, даже на обратный билет не хватит.

«Нужно пойти и напиться, – вдруг решила Настя. – Напиться окончательно, вдрызг. Чтобы забыть обо всем. В конце концов, мне уже почти восемнадцать, а я до сих пор только шампанское пила... Ну, и водку – вот прямо сейчас. Водка, конечно, – гадость. Но есть же всякие вина, ликеры...»

Идея ее захватила. Только где в Москве можно напиться? Не в ресторан же в одиночку идти. Поехать, что ли, в общагу? Сеня говорил, там с выпивкой все тип-топ, всегда наливают... Только ведь все – на карнавале, кого она там найдет? Да и не хочется их видеть, мерзких журфаковцев.

И тут Настю осенило: она пойдет в «Москву»! Девчонки рассказывали: заходишь в гостиницу с центрального входа, говоришь швейцару, что в бар, поднимаешься на второй этаж – и пьешь себе спокойненько вкусные коктейли. «Место спокойное, – заверяли однокурсницы. – Барыги, конечно, встречаются, но они тихие, не пристают. А коктейли там – обалденные».

«Коктейль, наверно, вкуснее, чем водка, – решила Настя. – А моей десятки на много хватит».

...Швейцар посмотрел на нее удивленно, но в гостиницу пропустил. Настя без труда нашла бар: очень симпатичный. Стойка с кожаными табуреточками, полки украшены аляповатыми бутылками из-под диковинных напитков (все бутылки, впрочем, пусты).

Настя взяла себе «шампань-коблер» и два эклера – всего-то рубль пятьдесят за все про все. За стойкой решила не сидеть. Все столики были заняты, только в самом углу нашелся пустой, с единственным стулом. Ну и очень хорошо: подальше от всех, а раз стульев нет – никто к ней не подсядет.

Настя пригубила свой «коблер» – куда вкуснее, чем водка! – и украдкой оглядела публику. М-да, а народ-то тут не очень... За соседним столиком сидят четверо хмурых парней. Парни что-то тихо обсуждают, настороженно оглядываются по сторонам. В загончике имелаась и еще одна мужская компания – трое восточных товарищей. Те говорили громко, пили много и сплевывали шелуху от орехов прямо на пол. Два оставшихся столика, на Настин взгляд, опасности не представляли. За одним сидела немолодая парочка с бутылкой шампанского. По вороватым взглядом видно: любовнички, муж уехал в командировку. А за другим столом помещались две ярко накрашенные девушки в коротких, не по сезону, юбках. «Проститутки», – догадалась Настя. Живых проституток она видела впервые и осмотрела их костюмы и боевую раскраску с интересом. Поначалу и девицы тоже косились в ее сторону. Но Настя вела себя смирно, глазами по мужикам не стреляла, да и одета была скромно. И продажные девицы интерес к ней утратили.

«А коктейль-то вкусный, – порадовалась Настя. – Рот не обжигает, горло не дерет». Она расправилась с ним почти залпом. Даже эклеры не съела. Тут же сходила к стойке и заказала второй. Этот уже пила медленнее, цедила через соломинку. На душе постепенно теплело, проблемы-беды отступали. «Что я, в самом деле, расстраиваюсь из-за какого-то идиота? Да

этот Валера мизинца моего не стоит! И глаза у него – совершенно безумные. Не зря же говорят, что на нашем факультете экзотики полно: даже наркотики можно достать. Да этот Валера – наркоман, а вовсе не принц! Вот и чудненько. Есть за что его прихватить. Так что деда мы в это дело впутывать не будем. А о том, что он наркоман, сообщим, куда следует».

Настя прихлебывала коктейль и поражалась метаморфозам: в темном баре вдруг стало очевидно светлее. Ярче заблестели глаза у посетителей, вроде бы отмылся затоптанный пол и даже серо-шоколадная глазурь у ее эклеров приобрела насыщенный, глянцевого черного цвет. И чего она раньше не ходила по барам?

Незаметно закончился второй «коблер», и Настя снова отправилась к стойке. Восточный человек с соседнего столика крикнул вслед:

– Эй, красавица! Прытармазы!

– Я знаю меру, – надменно ответила Настя. И поразились: простая фраза далась ей с трудом, слова мешались-проглатывались, словно говорил поздний Брежнев.

На всякий случай Настя все же съела эклеры. И с новыми силами приступила к коктейлю. Подумалось: «Жаль, что я курить не умею. Вон как проститутки шикарно смотрятся – с коричневыми длинными сигаретками...»

Восточные люди к ней больше не приставали. Зато компания серьезных мужчин наконец закончила свою тихую беседу. Мужики откинулись на стульях и шумно потребовали водки. Видно, их сборище было влиятельным: бармен не поленился поднести бутылку прямо к столику.

– А вон той – шампанского, – вдруг приказал один из них. И указал на Настю.

Бармен угодливо кивнул и явился с бутылкой так быстро, что Настя даже опомниться не успела.

– Спа...спасибо... я н-не хочу, – пропищала она, удивляясь, что язык перестал слушаться вовсе.

– А тебя не спрашивают! – загоготал второй мужик. – Пей, раз дают.

Третий молча встал, подошел к ее столику. Тихо произнес:

– А ну не ломайся! Шалава...

Настя вскочила. Кажется, ее шатало. Мужчина загородил ей дорогу. Она попыталась его обойти, но гад перемещался легко и все время оказывался у нее на пути. Наконец, наигравшись, мужик схватил ее за руку.

– Все, цыпочка. Шутки кончились. Пойдем, посидишь с нами.

Настя стала вырываться. Парень усилил захват, и руку будто сдавило тисками.

Публика в баре безучастно наблюдала за представлением.

«Все. Пропала», – мелькнуло у Насти в голове.

И тут она услышала знакомый возмущенный голос:

– Настя! Это еще что за дела?!

Парень слегка ослабил хватку, и ей удалось вырваться.

– Сеня! – закричала она.

И побежала к нему – так быстро, как не бегала никогда.

Мужики ее не преследовали. Один только выкрикнул вслед с угрозой:

– Попробуй, покажись еще здесь...

А Сеня ловко подхватил ее под руку и потащил прочь.

Единственный этаж Настя одолела с трудом – ноги заплетались и подкашивались. Сеня молчал – только поддерживал ее все крепче и заботливее. Швейцар, распахивая дверь, глумливо сказал:

– Ну, понравилось у нас? Приходите еще.

Сеня не удостоил его ответом. А Настя и ответить-то не могла. Перед глазами все плыло, а во рту вдруг возник неприятный металлический привкус – с чего бы? Коктейль вроде сладким был...

– П-постой, С-сеня, – с трудом вымолвила она. И опустилась на корточки. Ей нужно полежать – совсем немного, пару минуток.

Сеня грубо подхватил ее под мышки и поставил на ноги. Прошипел:

– Ты что, спятила? Мусора кругом!

– Н-но...

– Стой! Стой прямо, я сказал!

И Сеня принялся надевать на нее дубленку. Только сейчас Настя заметила, что вышла она раздетой. Ее дубленка висела в баре, на крючке у входа, – когда же Сеня успел ее взять? Настя не помнила. Ничего себе, уже провалы в памяти начались...

– Пошли потихоньку, – приказал Сеня. – Машину поймаем. Я тебя домой отвезу.

– Нет! – выкрикнула Настя.

Двое милицейских внимательно посмотрели в их сторону.

– Да не ори ты! – простонал Сеня.

– Я не поеду домой, – упрямо сказала Настя.

– Хорошо, не поедешь домой. Давай только уйдем отсюда.

К счастью, до дороги было два шага. Сеня поднял руку, подзывая такси.

– Т-только п-посмей с-сказать, что на Б-бронную, – выдавила Настя.

– Да понял я, – отмахнулся от нее Сеня. И спросил остановившегося водителя: – На Шверника поедем?

...В тепле машины Настю склонило в сон. Но стоило закрыть глаза, как с ней начало твориться что-то ужасное. К горлу подкатывала тошнотворная волна, и такси, казалось, начинало качаться с боку на бок, словно утлая лодчонка.

– Эй, не спи, Настя, – тревожно сказал Сеня.

– Т-гут так воняет, – простонала она.

– Можно, я открою окно? – спросил Сеня у водителя.

– Открывай, – буркнул тот. – Смотри только, чтобы девчонка твоя машину мне не изгадила.

Сеня подтолкнул Настину голову к открытому окну, приказал:

– Дыши! Глубоко вдыхай, ртом!

Морозный воздух обжигал горло, в глаза били колкие снежинки. Но Настя все дышала и дышала – она поняла: Сеню надо слушаться.

Минут через пять действительно стало полегче. Настя обернулась к Сене:

– Ф-фу, что это такое со мной было?

– Да ничего особенного. Напилась, – спокойно пояснил он. – Еще чуть-чуть – отключилась бы. Скажи спасибо, что я вовремя подошел.

– Спасибо, – покорно произнесла Настя. – Но как... как ты узнал?

– Да случайно. Видел, что ты вдруг с карнавала убежала... А потом я покурить вышел, у Ломоносова наших встретил. Они и сказали: набулькалась водки из горла и пошла на какой-то концерт. В министерство. Что-то я не припомню, чтобы мать тебя раньше на концерты брала... Да и не бывает у нее там, по-моему, никаких концертов.

Настя промолчала.

– Ну, я забеспокоился. Спросил у ребят, куда ты на самом деле отправилась. А они за тобой, оказывается, следили. Видели, как ты у забора минут десять стояла. И потом почесала – по проспекту Маркса в сторону Пешков-стрит. Мишка мне сказал: такой походочкой только Зимний штурмуют. Или – в «Яму» идут. Ну, я и пошел тебя искать... В «Космос» заходил, в «Московское». А потом – про «Москву» подумал. Вовремя пришел, а?

Настя вздохнула. От мыслей о парнях в баре ее снова начало мутить.

– А что тем парням от меня было надо?

Сеня хохотнул:

– Ну и вопросы! Подумай чуть-чуть – может, догадаешься?

Настя покраснела и промолчала. Сенья сказал:

– Ладно, проехали. Ну, рассказывай: с чего ты вдруг в алкоголизм ударилась?

– Да ни с чего, – пробурчала Настя. Не говорить же Сеньке правду! – Просто надоело все. До смерти. И универ, и предки, и Москва... и вообще все, вся жизнь. Такая тоска кругом!

– А «коблер», значит, смысл все печали, – задумчиво произнес Сенья. – Ну ладно, я понял. Девочка решила бороться с депрессией старым, как мир, способом.

«Зачем таким надменным тоном говорить-то?» – возмутилась Настя. Но оставила реплику при себе. Сегодня у нее, пожалуй, права голоса нет.

– Ну и что мне с тобой теперь делать? Может, все же домой, а? Ты вроде протрезвела... А если предки запах учуют – скажешь, что на карнавале все пили.

– Нет, – отрезала Настя.

– Ну нет так нет, – не стал спорить Сенья. – Значит, только в общагу, больше некуда. Ряженкой тебя напою. От похмелья помогает. Ну а дальше – решим, что делать.

До общежития на улице Шверника добрались быстро.

Миновали подозрительную вахтершу. Бабка потребовала с Насти студенческий билет, переписала фамилию и взяла слово «чтобы без этих штук, а в двадцать три ноль-ноль – попрошу на выход».

Сениных соседей в комнате не оказалось: «Они у меня гуляки, до утра беситься будут!»

– А ты не гуляка? – строго спросила Настя, присаживаясь на Сенину постель. Она бы с удовольствием села на стул или в кресло, да только в маленькой комнатухе иных горизонтальных поверхностей, кроме как кроватей, не имелось.

– Не, я не по этой части, – усмехнулся Сенья. – Это ты у нас – так нагулялась, что еле сидишь... Да ты приляг, не бойся. Не буду я на тебя бросаться. Пойду лучше в холодильник схожу.

– Куда-куда?

– Холодильник у нас общий, всемером скинулись. В шестьсот восьмой комнате стоит, у них там замок самый крепкий.

Сенья отсутствовал долго, вернулся с бутылкой ряженки и чаем в целлофановом пакете. Объяснил:

– Ряженка – от похмелья. Чай – для тонуса. У девчонок стрельнул. Только две ложки отсыпали, жадины... Сейчас буду тебя в норму приводить.

Чувствовала себя Настя плохо. Голова кружиться перестала, но ноги до сих пор тряслись, а в желудке дрожала противная муть.

– И чего это меня так... развезло? – Настя с трудом выговорила непривычное слово.

– А с того! Кто же градус понижает, коктейль после водки пьет? Да и коктейлей, кажется, было принято на грудь немало. Два? Три?

– Три, – вздохнула Настя. – Но они вроде совсем не пьянящие. Сладенькие, вкусные...

– Самый опасный продукт, – авторитетно заверил Сенья. – Нет ничего хуже, когда пьешь, а градуса – не чувствуешь.

– Ты, я гляжу, знаток, – подколола Настя.

– Поживи в общеаге – и не такое узнаешь... Ну, давай – сначала ряженку, залпом, а потом чайку крепенького.

«Антипохмельная терапия» а-ля Челышев сработала. Ноги трястись перестали, в голове тоже прояснилось. Настя вдруг увидела себя словно со стороны: сидит, подобрав

ноги, на Сенькиной постели, в пустой общежитской комнате. А Сеня пристроился на краешке, держит ее за руку, по-докторски смотрит в глаза...

«Эх, не попасть бы мне из огня да в полымя», – забеспокоилась Настя.

А Сеня ласково погладил ее по руке и взглянул на часы:

– Почти одиннадцать, пора двигать. Давай, выгребай карманы: попробуем на такси наскрести. А то у меня, извини, – только рупь в наличии. Рваный рупчик.

...Домой Настя вернулась в полночь. Мама и дед уже спали, только бабушка выплянула из своей комнаты:

– Ну, нагулялась?

«Нет, не совсем», – подумала Настя. Ее не покидала мысль: «Зря я послушалась Сеньку. Зря встала с его кровати и покорно ушла... А маме с бабулей могла бы позвонить. И сказать, что мы к сынку-Аграновскому ушли продолжать. Они мне давно велели к Аграновскому присматриваться, из-за его папани, конечно...»

Настя твердой походкой прошла в свою комнату. Она знала: бабушка смотрит ей вслед и внимательно отслеживает: не качнет ли внучку? Не тяпнула ли она лишку на карнавале?

«Спасибо Сеньке – не качает».

В своей комнате Настя подошла к окну, откинула портьеру. И улыбнулась: Сеня стоял внизу, у подъезда. Как и обещал: ждал, пока она благополучно доберется до квартиры. Его черную куртку потихоньку укутывали белые хлопья снега.

Настя распахнула форточку, выкрикнула в морозную ночь:

– Ты – как шахматная доска!

В маминой комнате послышалось шевеление, и Настя поспешно захлопнула окно, схватила книгу, прыгнула на кровать.

На пороге показалась Ирина Егоровна, строго спросила дочь:

– Кому ты кричала?

– Принцу, мама, – счастливо улыбнулась Настя.

И подумала: «Вот дура! Как же я раньше-то его не замечала?!»

* * *

Смысл жизни оказался прост.

А внешне – ничего не изменилось. Совсем ничего.

Все та же квартира, и университет, и античная литература (ну зачем будущему корреспонденту нужны Овидии и Горации?), и прежний, из прошлой жизни, будильник с визгливым звонком...

Только теперь, когда будильник будил ее к первой паре (а за окном – темень, и топят неважно – хоть и блатной дом), Настя думала: «А я сегодня увижу Сеньку!» И вскакивала, бодро мчалась на кухню, на запах дедова кофе.

Егор Ильич наливал ей чашечку, усмехался:

– Что, прижилась в университете? Смотрю, повеселела... И к первой паре стала ходить.

Настя опускала глаза:

– А у нас гайки закрутили. За посещаемостью как звери следят.

– Да уж, за вами глаз да глаз нужен, – соглашался дед. И, кажется, посматривал на Настю подозрительно. А она изо всех сил старалась погасить блеск в глазах и принять скупающий, равнодушный вид.

...Подруга Милка никогда не скрывала от собственной матери своих поклонников. Кого только не водила в дом: и безумновзглядых художников, и непризнанных поэтов, и даже молчаливых крепышей из автосервиса. И со всеми Милина мама дружелюбно беседовала, а некоторым странствующим (например, из Питера) путникам даже предоставляла кров. А у

Насти дома совсем не так. Издавна повелось: только Эжен гость желанный. А прочие парни – немедленно подпадают под въедливый рентген маминых и бабушкиных взглядов. И распросов. А покинув их квартиру, подвергаются беспощадной обструкции. Один – икнул, у второго – «глаза ушлые», третий – в слове «звонить» ударение неправильно ставит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.